

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

памяти профессора

Самуила Борисовича

Бернштейна

К пятилетию со дня кончины

МОСКВА
2002

Составитель доц. *В. П. Гудков*

Печатается на правах рукописи

Электронная версия сборника, опубликованного в 2002 году

Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна: К пятилетию со дня кончины / Под ред. доц. В. П. Гудкова и доц. С. С. Скорвида. – М., 2002. – 68 с.

© Филологический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова, 2002

Предисловие составителя

Прошло пять лет со дня кончины Самуила Борисовича Бернштейна (3 января 1911 – 6 октября 1997). Смерть корифея отечественного славяноведения вызвала многочисленные отклики. «С ним ушла эпоха в развитии нашей славистики», – писал из Минска А. Е. Супрун. Признательные, прочувствованные некрологи опубликовали *М. Янакиев* (Съпоставително езиковзнание. София. 1997, кн. 4. С. 144–146), *Л. Н. Смирнов* (Славяноведение. М., 1998, № 1. С. 123–125), *В. П. Гудков* (Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998, № 1. С. 199–201), *Р. В. Булатова* (Славистика. Београд. Књ. 2, 1998. С. 328–330), *Е. И. Демина* (International journal of Slavic linguistics and poetics. Los Angeles. V. 42, 1998. P. 193–198), *М. А. Штудинер* (Slavia. Praha. Roč. 67, 1998. S. 436–437), *Р. П. Усикова* (Македонски јазик. Скопје. Кн. 48–50, 1999. С. 405–407), *Р. Эккерт* (Zeitschrift für Slavistik. Berlin. V. 44, 1999. S. 232–234), *Вал. В. Иванов* (ОЛА. Материалы и исследования. М., 2000). Этот перечень, вероятно, неполон.

По прошествии сорока дней после смерти С. Б. Бернштейна его ученики и коллеги собрались в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ. Открывая заседание, декан факультета М. Л. Ремнева подчеркнула, что С. Б. Бернштейн останется для филологов всех поколений воплощением образа настоящего университетского профессора. «Славистам есть чем гордиться – у них был и остается С. Б. Бернштейн, ученый, человек, патриот», – сказал В. К. Журавлев. «Мы будем так же трепетно относиться к С. Б. Бернштейну и его наследию, как он сам относился к своим учителям, к А. М. Селищеву», – заключила свое выступление Н. Е. Ананьева¹.

Третья годовщина ухода из жизни С. Б. Бернштейна была отмечена собранием славистов МГУ и РАН, состоявшимся на филологическом факультете 9 октября 2000 г. С докладом «С. Б. Бернштейн – болгарист» выступила О. А. Ржанникова. Были прочитаны присланные из Софии воспоминания Н. В. Котовой «Наш Учитель». Г. К. Венедиктов представил коллегам и студентам изданный Институтом славяноведения

¹ Полную информацию о заседании см. в статье: *Е. В. Тимонина*. Вспоминая профессора С. Б. Бернштейна // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998, № 2. С. 173–176.

РАН сборник работ С. Б. Бернштейна под названием «Из проблематики диалектологии и лингвогеографии» (М., 2000. 352 стр.). Собранные выразили признательность и благодарность Г. К. Венедиктову, Г. П. Клепиковой и Р. В. Булатовой, подготовившим это драгоценное издание².

Печатное и рукописное наследие С. Б. Бернштейна неизменно сохраняет научную и образовательную ценность и актуальность. Первый том его «Очерка сравнительной грамматики славянских языков» рекомендован филологическим факультетом к переизданию в составе серии «Классический университетский учебник». Подготовлены к печати основанные на дневниковых записях воспоминания С. Б. Бернштейна «Зигзаги памяти». Настоятельно высказываются пожелания собрать и переиздать рассеянные по разным отечественным и иностранным журналам статьи С. Б. Бернштейна по истории славяноведения и славянской филологии.

В опубликованном в Белграде вышеупомянутом некрологе Р. В. Булатова писала: «Учитель с большой буквы, создавший школу славяноведов послевоенного периода, он остался жить в своих трудах и в своих учениках». Настоящий сборник подтверждает этот тезис. В нем публикуются воспоминания о замечательном ученом, высокоавторитетном университетском профессоре, руководителе научных и педагогических коллективов, текста ряда докладов, подготовленных для очередных чтений памяти С. Б. Бернштейна, и некоторые другие материалы, связанные с его наследием, в том числе рецензия А. В. Исаченко на первый том «Очерка сравнительной грамматики славянских языков», автор которой при абсолютно позитивной в целом оценке этого монументального труда ставит ряд вопросов, заслуживающих дальнейшего осмысления и не утративших актуальности по сей день.

² Информация о заседании, текст доклада О. А. Ржанниковой и воспоминаний Н. В. Котовой опубликованы в «Вестнике МГУ», 2001, № 2. С. 107 – 114. Воспоминания Н. В. Котовой воспроизводятся в нашем сборнике.

А. Е. Супрун (Минск)

ПИСЬМО КОЛЛЕКТИВУ КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ МГУ

Дорогие коллеги!

Весть о кончине Самуила Борисовича, общепризнанного старейшины советских (а потом и постсоветских) славистов, не была неожиданной. О его здоровье мы спрашивали у всех тех, кто попадал от вас в наши края. Последними весточками о нем были появлявшиеся время от времени историко-лингвистические заметки, из которых мы узнавали о забытых страницах истории нашей многострадальной науки, а потом сборник к 85-летию ученого. Но собраться с мыслями, чтобы написать на кафедру, которой многие годы Самуил Борисович руководил, оказалось не так-то просто. Писать общие и никчемные слова стандартного телеграфного соболезнования почему-то не получалось. Сообщил тем немногим, кто был непосредственно связан с Самуилом Борисовичем: Мартынову, Цыхуну, Вереничу. Норман, из более молодых, сейчас в Польше. Рассказал студентам, белорусистам и славистам, на лекциях по введению в славянскую филологию о Бернштейне, чтобы немного очеловечить в их сознании штампик имени.

С трудами Самуила Борисовича я познакомился в библиотеке Киргизского университета. Пытался осилить «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии», несколько статей по славистике (запомнились по моим тогдашним интересам статьи о тюркизмах в дамскинах, о македонском языке и о польской орфографии), а также учебник болгарского языка, когда на втором курсе штурмовал названное книгохранилище. Впервые я встретился с С. Б. Бернштейном в мае 1955 г., когда приехал в МГУ на защиту своей самодельной (но тем, быть может, забавной и заслужившей снисхождения) диссертации о словах с корнями числительных в русском языке. Самуил Борисович задал вопрос (я потом у кого-то из аспирантов осведомился, кто это меня спрашивал), что я знаю из иностранных работ о славянских числительных. Я читал прекрасную монографию Шереха, солидные книги Клеменевича и Граппена, исследование Трыпуцьки и смог о них достаточно членораздельно сказать...

Спустя много лет, когда в мае 1970 г. в Минске состоялось заседание совета по высшему филологическому образованию, на котором обсуждался вопрос о введении в стандартный учебный план курса введения в славянскую филологию, Самуил Борисович обещал сдать в издательство учебное пособие или его часть. Я намеревался подготовить хрестоматию по этому курсу, на что он посмотрел благосклонно. У нас дома, где собрались некоторые мои славистические знакомые, я с Са-

муилом Борисовичем решился даже поспорить на темы о «черных рецензиях» на статьи и диссертации, хотя в общем-то спорить было не о чем, так как мысли Самуила Борисовича, например, об участии в защите научного руководителя были для меня привлекательны. В тот приезд Самуил Борисович рассказал нам кое-что об одесском и минском лингвисте П. А. Бузуке, погибшем в застенках в тридцатых годах.

Впоследствии как члену диссертационного совета МГУ, как оппоненту в МГУ и в Институте славяноведения мне довелось многократно встречаться с Самуилом Борисовичем. Это были небольшие, но содержательные и ценные для меня беседы. Запомнилось мне выступление Самуила Борисовича на одной докторской защите в МГУ. С отрицательным заключением выступил Б. Н. Головин. Я с ним не был согласен, но Самуил Борисович сказал о том, что он хорошо понимает, как трудно выступить против мнения большинства и потому считает нужным поддержать оппонента. Потом я вспоминал эту речь, когда оказывался в меньшинстве.

Вызванная немало разговоров с момента появления первого тома «Сравнительная грамматика славянских языков» до сих пор остается лучшим трудом этого рода за послевоенные годы в нашей стране, и можно лишь пожалеть, что это издание не закончено. По этим трудам мы учились и рекомендовали их студентам. Самуил Борисович был одним из инициаторов славянского лингвистического атласа, руководил подготовкой атласа болгарских говоров СССР, Карпатского лингвистического атласа. И эта сторона его деятельности учила, как организовать совместные лингвистические исследования.

«Введение в славянскую филологию» не было напечатано, хотя содержательную книжку о Константине (Кирилле) и Мефодии я воспринимаю как его часть. Многочисленные статьи и заметки об отдельных славистах и событиях, в том числе книга об А. М. Селищеве, на которую мне было приятно и почетно писать издательский отзыв, составляют другую часть этого пособия, которую, возможно, было бы полезно собрать и подготовить к публикации.

Самуил Борисович Бернштейн скончался. С ним ушла эпоха в развитии нашей славистики. Память о нем неразрывно связана с памятью о тревожном и непростом времени в развитии нашей страны и нашей науки.

Прошу коллег и учеников Самуила Борисовича в МГУ принять искреннее соболезнование от коллег из Белорусского университета. Мы также считаем его своим учителем.

Ваш А. Е. Супрун

О. А. Князевская

ВОСПОМИНАНИЯ ДАВНЕЙ УЧЕНИЦЫ

В 1939 году Самуил Борисович Бернштейн был переведен из Одессы в Москву, где приступил к чтению лекционных курсов по славянской филологии в Московском государственном институте философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского (МИФЛИ). Мне, тогда студентке II курса литфака, посчастливилось слушать курс Бернштейна «Введение в славянскую филологию», а затем курс болгарского языка.

Лекции Бернштейна восхищали слушателей четкостью и отточенностью изложения. При этом он читал их в свободной манере, иногда слегка жестикулируя, и доходчиво, так что за ним было легко записывать. И читал без единой бумажки, опираясь лишь на богатства своей памяти! Нас поражали обширные знания Самуила Борисовича по истории славянских языков и славянской диалектологии; он приводил по памяти примеры из рукописных источников прошлого и множества славянских говоров, как и данные других индоевропейских языков.

Память Бернштейна была уникальна. Он все помнил – в частности, моментально давал ссылки на различные научные работы. В мои аспирантские годы у Бернштейна всегда можно было получить сведения о зарубежных публикациях, причем неизменно точные. За многие годы моего знакомства с Самуилом Борисовичем я ни разу не слышала от него ответов типа «я не помню...».

Среди других преподавателей он выделялся и своим внешним видом. Его костюмы были безукоризненны; удивительно, что, хотя на лекциях он пользовался доской и мелом, на его одежде никогда не было, казалось бы, неизбежных при этом меловых пятен.

Собственно лингвистические проблемы конкретных славянских языков непременно соотносились им с судьбами реальных носителей, и в этой комплексности изложения, направленного от исторических фактов к фактам мышления, заключалась характерная особенность его курсов.

Н. В. Котова

Наш учитель³

Первое, что возникает в моей памяти при мысли о Самуиле Борисовиче Бернштейне, – наши незабываемые диалектологические экспедиции 1948 – 1950 гг. в болгарские села Бессарабии (Молдавия, Украина) и Приазовья (Украина).

³ Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 2. С. 112–114.

После вступительной лекции Самуила Борисовича в 1944 г., когда он объяснял нам, первой группе будущих болгаристов (точнее, болгаристок) и полонистов (точнее, полонисток), что такое «славянская филология», и когда мы, немного подсмеиваясь над собой, преисполнились к нему почтительного обожания, мы встретились с ним как с преподавателем и лектором уже в 1947 г. Мы готовили тогда курсовые работы в его семинаре по болгарской диалектологии. Это была уже, по существу, подготовка к диалектологическим экспедициям: мы старательно штудировали труды академика Н. С. Державина о болгарских селах Бессарабии и Приазовья и «теоретически» осваивали технику диалектологической работы.

Первая экспедиция в болгарские села Бессарабии состоялась летом 1948 г. Мы впервые погрузились в живой языковой материал, «кочуя» по болгарским селам под жарким бессарабским солнцем. Естественно, было немало трудностей, и в наших спорах (как и что записывать, ведь нередко разные «исследователи» слышали диалектные формы по-разному) арбитром выступал Самуил Борисович. Он учил нас слышать диалектную фонетику, смотрел наши картотеки, корректировал выбор «информаторов».

Не раз ему приходилось решать и возникавшие бытовые трудности. Элегантный, подтянутый, в белом костюме, он производил неотразимое впечатление на сельских жителей, легко договаривался в правлении колхоза о том, чтобы нам, в те трудные для Бессарабии неурожайные годы, выдавали хлеб. Или возникал, все такой же элегантный, в белом костюме и шляпе, почти ночью, как *deus ex machina*, проехав несколько десятков километров, чтобы выволить меня из военной комендатуры г. Болград, где я сидела, арестованная за хождение по Бессарабии без надлежащих документов.

Но, кроме всего, Самуил Борисович пробуждал в нас интерес к людям, к окружающей жизни и незаметно и ненавязчиво «строил» нас как личности. Сам же он был яркой личностью, надолго запомнившейся студентам-болгаристам, учившимся у него в Одесском университете, и болгарам-учителям, которых мы встречали в селах Бессарабии и Приазовья.

Лингвистические идеи, заложенные в нас Самуилом Борисовичем Бернштейном со времен его первых экспедиций, остаются перспективными и актуальными до сих пор. Естественно, что многие из них позже получили развитие в работах его учеников. Одна из таких идей – «диалект как система». Она предполагает описание современного состояния диалекта как одного из срезов его исторического развития. В лингвистической практике она предполагает создание не «дифференциальных», а «полных» диалектных словарей, отражающих всю лексику диалекта, которую диалектологу удастся записать. Этот принцип Самуил Борисович последовательно отстаивал в спорах с болгарскими диалектологами.

Тщательно составленные «полные» диалектные словари в сочетании с записанными от разных представителей диалекта текстами позволяют не только описать систему говора (на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях), но и показать существующие в диалекте стили, свойственные речи разных групп носителей говора. Нет необходимости подчеркивать, что эта идея и ее практические реализации близки к идеям, получившим развитие в структурализме и в той области лингвистики, которую теперь называют социолингвистикой.

Другая идея – «язык (диалект) в контексте других языков (диалектов)», идея, плодотворно раскрывающаяся в работах Самуила Борисовича и его учеников по балканистике.

Еще одна идея – о «переходных зонах» между диалектами, реализуемых «пучками изоглосс», – позже привела к идее определения «удельного веса» изоглосс и количественного исследования языковых явлений. Поэтому вполне легко принял Самуил Борисович глоттометрию (математико-статистическое исследование языковых фактов). Еще в 1968 г. он весьма положительно оценил дипломную работу Марианны Ярославской о проблеме начала новоболгарского литературного языка – работу, основанную на математико-статистическом сопоставлении употребления нескольких частых морфем в ряде болгарских текстов XVIII – начала XIX в. А в последние годы он считал, что глоттометрия должна стать обязательной дисциплиной при подготовке филологов-лингвистов.

Это лишь несколько примеров плодотворности идей, воспринятых нами от С. Б. Бернштейна как диалектолога. Но и они объясняют, почему лингвисты, прошедшие диалектологическую «выучку» под его руководством, успешно работают в разных областях лингвистики. Я же пришла к твердому убеждению: любой лингвист, в какой бы области он ни работал, должен пройти диалектологическую школу, вырабатывающую в нем внимание к языковому материалу и освобождающую от попыток создания бесполезных «теорий для теорий».

Г. П. Клепикова

С. Б. БЕРНШТЕЙН И КАРПАТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1. Последние десятилетия XX в. характеризуются становлением и быстрым развитием карпатского языкознания (КЯ) – нового направления в ареально-типологической лингвистике, которое формулирует и решает задачи описания и интерпретации результатов длительных взаимодействий языковых идиомов (языков, диалектов) в генетически гетерогенном лингвистическом пространстве зоны Карпат и соседних регионов, прежде всего балканского. КЯ базируется на данных индоев-

ропеистики (славистики, романистики, албанистики и других наук), финноугроведения, в центре внимания которых находится *дивергентное* развитие отдельных языковых семей, история входящих в них языков (в данном случае – славянских, румынского, венгерского и др.). Вместе с тем КЯ всемерно учитывает достижения в области типологического изучения языков, теории языковых контактов и конвергентного развития языков в указанном ареале⁴. Важную роль в конституировании КЯ сыграло балканское языкознание, которому удалось выработать оптимальную модель, позволяющую эффективно изучать контакты и взаимовлияния славянских и неславянских языков в соответствующем – балканском – ареале.

2. Зарождение КЯ происходило в недрах славистики, – оно стало, с одной стороны, следствием постепенного осознания своеобразия *карпатских* говоров отдельных славянских языков (польского, украинского и др.), обособленности этих говоров от иных диалектов того или иного языка, и одновременно – близости карпатских говоров *разных* языков между собой. С другой стороны, исследователи наблюдали большое число как лексических, так и грамматических параллелей между, например, карпатоукраинскими говорами и некоторыми говорами южнославянских языков (ср. дискуссии в середине XX в. в связи с проблематикой «карпатской миграции славян») ⁵. Наконец, исследователи проявляли большой интерес к изучению в славянских языках лексических элементов, датируемых эпохой поздних миграций населения с Балкан и определяемых обычно как заимствования из румынского, а также заимствования из венгерского.

3. Заслуга С. Б. Бернштейна состоит, на наш взгляд, в том, что он впервые показал: накопление большого числа новых фактов в результате широкого обследования карпатославянских диалектов в середине XX в., совершенствование самих методов изучения последних и под. обнаружило существование не только множества частных проблем, непосредственно связанных с историей *карпатских* диалектов отдельных языков, но и ряда общелингвистических проблем, которые затрагивают *все* языки ареала; эти проблемы могут быть решены лишь в рамках специальной дисциплины, которую С. Б. Бернштейн назвал «карпатским языкознанием»⁶. Он же впервые сформулировал круг основных задач, которые должны решаться в рамках КЯ на первом и дальнейших этапах его развития⁷.

⁴ С. Б. Бернштейн Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000. С. 158, 229 и др.

⁵ Там же, с. 133–135.

⁶ Там же, с. 141, 119–120.

⁷ Там же, с. 186–187, 230 и др.

Диалектологическое и лингвогеографическое изучение карпатской (resp. карпато-балканской) зоны в целом, – в виде специального лингвистического атласа, который предусматривает *синхронное* описание общих для диалектов ареала единиц, в первую очередь лексико-семантического, а позже и иных языковых уровней. Это позволяет установить корпус черт-явлений, определяющих своеобразие континуума в целом и отдельных его частей.

Наряду с этим необходимо изучение топонимики Карпат – в том числе также и ареальными методами.

В задачи КЯ, параллельно с диалектологическим обследованием зоны Карпат и сопредельных регионов, несомненно, входит осмысление теоретических проблем языкового контактирования и интерференции в изучаемой зоне, в том числе проблемы формирования здесь языковой общности конвергентного типа и т. п., что в свою очередь помогает более точно и глубоко интерпретировать данные анкетирования.

Перед КЯ стоит также задача историко-этимологического изучения карпатской лексики с вывлечением вклада отдельных языков ареала (древних и современных) в формирование пласта общих лексико-семантических и других единиц, траектории их распространения (с учетом возможной *множественности* источников заимствования и *многократности* актов заимствования одних и тех же единиц).

Важно активизировать пока сравнительно редкие и никак не координируемые исследования языка памятников письменности, отражающих особенности говоров карпатского ареала, – как славянских, так и неславянских.

Вместе с тем на современном этапе, по мнению С. Б. Бернштейна, нельзя перечислить в с е проблемы КЯ и отдельных его разделов: осознание и формулировка некоторых задач зависит от хода и темпов развития данной дисциплины.

4. Наибольшее внимание специалистов всегда привлекала первая из перечисленных проблем, – и потому, что к середине XX в. были достигнуты заметные успехи в диалектологическом (и конкретно в лингвогеографическом) изучении многих языков карпатского ареала, но и потому, что описание всех карпатских говоров по специальной программе создало бы современную и «унифицированную» базу данных для дальнейших исследований. Вместе с тем было очевидно, что реализация подобного масштабного проекта в полном объеме невозможна без объединения усилий диалектологов разных стран, прежде всего расположенных в зоне Карпат. Поэтому когда проф. С. Б. Бернштейн выступил на VII съезде славистов (Варшава, 1973 г.) с инициативой подготовки «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА) силами междуна-

ного коллектива ученых⁸, это предложение было активно поддержано. В дальнейшем в создании Атласа принимали участие лингвисты Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Украины и России, Молдовы, Сербии и Черногории, Македонии, а на начальном этапе – и Болгарии. Была создана Международная редколлегия ОКДА, которую возглавлял С. Б. Бернштейн.

5. Сейчас, по прошествии 30 лет, когда, в результате напряженных (иногда и драматических) усилий, работу над Атласом можно считать практически завершённой – опубликовано 6 из 7 выпусков, – можно, наконец, в полной мере оценить роль С. Б. Бернштейна как инициатора и руководителя проекта. Его непререкаемый научный авторитет, организаторский талант, напряжённая воля к преодолению препятствий и сложностей разного рода, как внутри коллектива ОКДА (при выработке концепции труда, составлении Вопросника, установлении принципов картографирования и комментирования и под.), так и – особенно – в отношении к проекту со стороны высоких инстанций в нашей стране, предопределили успешный результат этой работы, – первостепенная задача КЯ, заявленная на Варшавском съезде славистов, ныне решена.

Атлас, являющийся реализацией основных идей С. Б. Бернштейна, – это атлас особого типа, который ныне может быть определен как *полилингвальный, гетерофамильный, региональный*. Его материалы позволяют представить географию общих для всех диалектов ареала (или отдельных его частей) лексико-семантических единиц различного происхождения, выявить *типы* дифференциации ареала, что способствует установлению «центров», оказывавших достаточно сильное интерферирующее воздействие на остальные части ареала, и траекторию распространения в нем «карпатизмов», – например, румынского, венгерского языков. С другой стороны, материалы Атласа дают возможность подтвердить версию, согласно которой в макроне существует, по крайней мере, в виде фрагментов, особая языковая общность конвергентного типа, достоверно реализующаяся лишь на лексико-семантическом уровне (и, по-видимому, на уровне внутренней *мотивации* тех или иных названий)⁹.

6. Помимо основной, «запрограммированной» концепцией Атласа, информации, касающейся проблематики языкового контактирования, ОКДА, как подчеркивал много раз С. Б. Бернштейн, содержит определенный объем «незапрограммированной» информации, – его карты отражают сведения, которые, как правило, отсутствуют в национальных атласах, полилингвальных Атласах типа ОЛА и др., и которые могут быть использованы не только в карпатологических штудиях, но и при

⁸ Там же, с. 178.

⁹ Там же, с. 257, 270 и др.

изучении синхронного состояния и истории как отдельных славянских языков карпатского ареала, Юга Славии¹⁰, так и румынского, венгерского и других языков.

7. Ныне логика развития КЯ требует сосредоточения внимания и на иных его задачах, – и здесь следует учитывать их перечень, предложенный С. Б. Бернштейном (см. выше). При этом существенным условием дальнейшего развития КЯ является, на наш взгляд, следующее: важно, чтобы сформировавшаяся в ходе создания Атласа *традиция* углубленных карпатологических штудий, существующая ныне в ряде научных центров, не была прервана, чтобы на смену ученым-лингвистам старшего поколения в КЯ пришли молодые, энергичные исследователи, освоившие достижения КЯ, и продолжили бы на новом этапе всестороннее лингвистическое изучение зоны Карпат. При этом можно не сомневаться, что труды С. Б. Бернштейна по карпатистике надолго сохранят свое значение и актуальность.

Н. Е. Ананьева

ПРОФЕССОР С. Б. БЕРНШТЕЙН И ПОЛЬСКАЯ СЛАВИСТИКА

Профессор С. Б. Бернштейн, известный в первую очередь как палеославист и специалист по южнославянским (главным образом болгарскому и македонскому) языкам, делал свои первые шаги в науке на полонистическом поприще: его дипломная работа была посвящена описанию польских говоров восточной Волыни. Помню, как Самуил Борисович наставлял нас с Лидией Кузьминичной Глуховой (впоследствии преподавателем польского языка в Академии Внешторга и других высших учебных заведениях Москвы), также писавших дипломные сочинения на материале польского говора (но только иной – северо-восточной «кресовой» зоны), в соответствии с заметками И. А. Бодуэна де Куртэна: записывать только карандашом (чтобы можно было скорректировать запись), поселяться у информанта для ведения с ним непринужденных бесед, в ходе которых проверяется материал, полученный при заполнении заранее составленного вопросника, выбирать в качестве информантов пожилых женщин, никуда не выезжавших из родного села, и т. д. Вспоминаются также красочные рассказы Самуила Борисовича о польской деревне Белка и ее любящих повеселиться обитателей; о том, как Самуил Борисович, устроившись с блокнотом у открытого окна, записывал вечерние «*rogaduszki*» поселян, сидящих на завалинке, и исправлял при этом полученные при непосредственном опросе информантов

¹⁰ Там же, с.256.

формы; как при возвращении в Москву опоздал на рейсовый автобус и благодаря этому остался жив, поскольку автобус потерпел аварию и все пассажиры погибли. И, наконец, о том, с какими опасностями было сопряжено изучение крестьянских говоров в 30-ые годы, когда на Украине свирепствовал тиф, которым Самуил Борисович все-таки заболел.

Самуил Борисович подготовил исследование «Польские говоры восточной Вольни», явившееся первым описанием одной из двух территориальных разновидностей периферийных («кресовых») польских говоров, сделанным непольским славистом. К сожалению, в силу причин экстралингвистического характера этот труд не был опубликован, а рукопись не сохранилась. Тем не менее С. Б. Бернштейна (наряду с поляками Г. Турской, К. Нитчем, В. Курашкевичем, Т. Лер-Сплавинским, Х. Швейковской и другими исследователями 30–40-х гг.) можно по праву отнести к пионерам в разработке такого популярного в настоящее время в польской диалектологии направления, как изучение «кресовых» польских говоров. Более того, в одной из первых своих научных статей, также посвященной полонистической проблематике, а именно актуальной для довоенного периода дискуссии о диалектной основе польского литературного языка, где С. Б. Бернштейн рассматривает главным образом один из дискутируемых вопросов (явление мазурения), присоединяясь к точке зрения своего учителя проф. А. М. Селищева об иноязычном характере данного явления, молодой ученый на примере низкого социального статуса этой фонетической особенности (черта крестьянского просторечия) развивает идею о необходимости создания *социальной диалектологии* [Бернштейн 1941]. Мысль о необходимости социалингвистического аспекта в изучении диалектов именно в последнее время находит яркое воплощение в трудах польских диалектологов, и не только занимающихся диалектами восточных Кресов (см., например, многие статьи в [Kontakty językowe 2000]), но и описывающих говоры других зон, особенно со смешанным населением, на присоединенных к Польше после Второй мировой войны западных и северных землях.

Оказавшись после окончания аспирантуры в Одессе, С. Б. Бернштейн переключился на болгарскую проблематику. Но полонистика никогда не оставалась вне поля его зрения. Находясь на одном из самых высоких уровней развития среди инославянских филологий, польская филологическая наука давала как материал, так и импульс и идеи для творчества ученого-слависта.

Безусловно на инициатора и участника создания четырех лингвистических атласов («Атласа болгарских говоров в СССР», «Карпатского диалектологического атласа» – КДА, «Общекарпатского диалектологического атласа» – ОКДА и «Общеславянского лингвистического ат-

ласа» – ОЛА¹¹) оказали влияние идеи польской лингвогеографической школы, которая уже в 30-е гг. имела большие достижения в виде работ З. Штибера [Stieber 1933], Ю. Тарнацкого [Tarnacki 1939], первого в славистике регионального атласа М. Малэцкого и К. Нитча («Atlas językowy polskiego Podkarpacia» – 1934) и готовилась к созданию полного национального лингвистического атласа [Małeckı, Nitsch 1939]. Реализации этого замысла помешала начавшаяся Вторая мировая война, но после нее польские диалектологи одними из первых в славистике смогли подготовить национальный атлас, хотя и в более скромном виде (с менее густой сеткой пунктов и меньшим числом картографируемых явлений), чем предполагалось в 1939 г. [MAGP 1957–1970]. И Атлас М. Малэцкого и К. Нитча¹², и их совместное выступление по поводу проекта общепольского лингвистического атласа были в библиотеке Самуила Борисовича и внимательно им изучались.

Надо сказать, что, отдав так много сил разработке концепций и созданию атласов различного вида, Самуил Борисович часто сокрушался по поводу того, что историки славянских языков не используют в своих работах результаты лингвогеографических исследований, что лингвогеография и история славянских языков развиваются в отрыве друг от друга. Определенный оптимизм в этом отношении вселяет то обстоятельство (которое несомненно порадовало бы Самуила Борисовича), что в последнее время сами составители атласов (в частности ОЛА) стали обращаться к диахронической интерпретации закартографированных фактов (статьи Л. Э. Калнынь, Г. П. Клепиковой, Т. И. Вендиной).

Естественно, что среди работ крупнейших славистов разных стран (и в первую очередь российских) в фундаментальном «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961) использованы труды корифеев польской славистики, литуанистики, полонистики, украинистики. К польским авторам С. Б. Бернштейн обращается как во Введении, где при анализе проблемы славянского этногенеза подробно рассматривает работы не только польских лингвистов (висло-одерская теория прародины славян Т. Лер-Сплавинского и Т. Милевского), но и польских археологов (Костшевского, Яжджевского и др.), так и в основной (фонетической) части Очерка. Имена таких исследователей, как К. Мо-

¹¹ В создании последнего атласа Самуил Борисович впоследствии не стал принимать участия, хотя оставался до последних дней редактором периодического издания «ОЛА. Материалы и исследования».

¹² «Atlas językowy Podkarpacia», по словам Самуила Борисовича, был в его довоенной библиотеке. После войны С. Б. Бернштейну пришлось собирать славистическую библиотеку второй раз, и в ней Атласа М. Малэцкого и К. Нитча уже не было.

шинский, Я. Розвадовский, Е. Курилович, Т. Милевский, Я. Отрембский, Т. Лер-Сплавинский и других, широко представлены на страницах Очерка. С. Б. Бернштейн упоминает даже лекции по славянским литературам А. Мицкевича, хотя и в негативном контексте (как избыточные примерами ложных этимологий) [Очерк 1961. С. 9–10]. Из более чем 200 наименований в Библиографии очерка представлено, не считая трех работ И. А. Бодуэна де Куртенэ, 29 работ польских ученых. Вместе с работами И. А. Бодуэна де Куртенэ это составляет 16% от общего числа источников. Особенно часто Самуил Борисович обращается к работам Т. Лер-Сплавинского (в Библиографии приведено 8 работ Т. Лер-Сплавинского и 2 исследования, написанные им в соавторстве с другими учеными).

С. Б. Бернштейн всегда интересовался новейшими работами в области польской диалектологии (в том числе диалектной лингвогеографии) и истории польского языка. Так, он высоко оценил вышедшую в 1973 г. монографию К. Дейны «Польские диалекты» [Dejna 1973] как первый опыт польской исторической диалектологии, собирался написать рецензию на этот труд, предложил ее к обсуждению своим тогдашним аспирантам (М. Штудинер, В. Кульбачук, Н. Ананьева). Обсуждение состоялось, но рецензию Самуил Борисович, к сожалению, так и не написал в силу загруженности другими темами. Зато появились рецензии Самуила Борисовича на фундаментальный 15-томный атлас кашубских говоров¹³ [Бернштейн 1979] и на изданный в Минске в 1973 г. двухчастный сборник «Польские говоры в СССР», авторы которого продолжили начатую С. Б. Бернштейном в юности тематику [Бернштейн 1974₁]. Отметил Самуил Борисович и выход в свет первого польского лингво-этнографического атласа¹⁴, считая, однако, что объединение лингвистики и этнографии в этом труде не совсем удалось.

Интересовала Самуила Борисовича и проблема лехитского «языка»: существовало это единство или нет. Он предлагал мне написать совместную статью по данной проблематике. Был собран некоторый материал, но работа не состоялась. Из польских диалектов Самуила Борисовича в 70–80-е годы очень занимали гуральские говоры, что безусловно связано в карпатологией, ставшей со временем для профессора С. Б. Бернштейна одной из основных исследовательских тем. К этой проблематике примыкает и статья о польско-южнославянских языковых связях [Бернштейн 1965].

¹³ Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. T. I–XV. Wrocław, 1964–1978.

¹⁴ Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski. Red. Z. Sobierajski, J. Burszta. Wrocław etc. 1979 (t. I) и сл.

Возникший у Самуила Борисовича с середины 60-х гг. интерес к морфонологии (хотя непосредственным «отцом» этой дисциплины является Н. С. Трубецкой) также генетически восходит к идеям Казанской лингвистической школы, основные представители которой, Иван Александрович (или Jan Niecisław) Бодуэн де Куртенэ и Николай (или Mikołaj) Крушевский, принадлежат как к российской, так и к польской лингвистике. Во всяком случае среди работ по морфонологии, рекомендованных к изучению автору этих строк, были теоретические работы Н. Крушевского [Крушевский 1881] и И. А. Бодуэна де Куртенэ [Baudouin de Courtenay 1894], а также грамматики С. Шобера и французского полониста А. Граппена, в которых представлен конкретный материал по чередованиям в польском языке. Да и последние по времени в этом списке литературы работы (напоминаю, что речь идет о 70-х годах) принадлежали перу американского ученого польского происхождения Эдварда Станкевича (например, [Stankiewicz 1960; Stankiewicz 1964; Stankiewicz 1966]).

По-видимому не случайно морфонология впоследствии среди славянских стран получила наибольшее развитие в России и в Польше. Ср. работы таких польских исследователей, как Б. Крея, Р. Ляковский, К. Ковалик. Знаменательно также, что вторая часть сравнительно-исторической грамматики славянских языков [Бернштейн 1974₂], в которой значительную часть занимает морфонологическая проблематика, была переведена именно на польский язык [Bernstein 1985].

Таким образом, даже краткий и весьма поверхностный анализ некоторых трудов и аспектов научной деятельности проф. С. Б. Бернштейна, который здесь представлен, убедительно показывает, что полонистика и польская славистика всегда входили в сферу научных интересов нашего замечательного ученого-слависта.

Литература

- Бернштейн 1941 – *Самуил Бернштейн*. К вопросу о диалектной основе польского литературного языка // Известия Академии Наук Союза ССР. Отделение литературы и языка. 1941, № 1. С. 99–105.
- Бернштейн 1965 – *С. Б. Бернштейн*. К изучению польско-южнославянских языковых связей // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. Warszawa, t. 5. S. 36–47.
- Бернштейн 1974₁ – *С. Б. Бернштейн*. Рец.: Польские говоры в СССР. Минск, 1973, ч. I. Исследования и материалы. 1967–1969. 323 с.; ч. II. Исследования и материалы. 1969–1971. 215 с. // Советское славяноведение. 1974, № 2. С. 89–91.

- Бернштейн 1974₂ – С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Бернштейн 1979 – С. Б. Бернштейн. Рец.: Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. I–XV. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964–1978 // Советское славяноведение. 1979, № 4. С. 121–122.
- Крушевский 1881 – Н. Крушевский. К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма // Русский филологический вестник. Т. V. Варшава, 1881. С. 3–19.
- Очерк 1961 – С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Baudouin de Courtenay 1894 – J. Baudouin de Courtenay. Próba teorii alternacji fonetycznych (1894); то же: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Очерк теории фонетических альтернатив // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 265–347.
- Bernstein 1985 – Samuel Bernstein. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Alternacje. Tematy imienne. Warszawa, 1985 (przetłumaczył Jan Wawrzyńczyk).
- Dejna 1975 – K. Dejna. Dialekty polskie. Ossolineum, 1973.
- Kontakty językowe 2000 – Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim. Prace ofiarowane Profesorowi Januszowi Riegerowi. Warszawa, 2000.
- MAGP 1957–1970 – Mały atlas gwar polskich. Kraków. 1957–1970. T. I–XIII.
- Małecki, Nitsch 1939 – M. Małecki, K. Nitsch. Plan ogólnopolskiego atlasu językowego // Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności. 1939. XLIV. S. 46–50.
- Stankiewicz 1960 – E. Stankiewicz. The consonantal alternations in the slavic declensions // Word, 1960, v. 16, N 2. P. 191 and foll.
- Stankiewicz 1964 – E. Stankiewicz. Trubetskoy and slavic morphonemics // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1964. Bd. 11. S. 79–90.
- Stankiewicz 1966 – E. Stankiewicz. Slavic morphophonemics in its typological and diachronic aspects // Current trends in linguistics. T. 3 «Theoretical foundations». The Hague – Paris, 1966. P. 495–520.
- Stieber 1933 – Z. Stieber. Izoglosy gwarowe na obszarze województw Łęczyckiego i Sieradzkiego. Monografie polskich cech gwarowych. N 6. Kraków, 1933.
- Tarnacki 1939 – J. Tarnacki. Studia nad geografią wyrazów (Polesie – Mazowsze). Warszawa, 1939.

С. Б. БЕРНШТЕЙН И РАЗВИТИЕ МАКЕДОНИСТИКИ В НАШЕЙ СТРАНЕ

В своих македонистических изысканиях проф. С. Б. Бернштейн продолжал заветное дело своего учителя А. М. Селищева. Предметом исследований Самуила Борисовича послужили как македонские диалекты и их история на общеславянском и южнославянском фоне, так и особенности литературного македонского языка, кодифицированного в 1945 г., после смерти А. М. Селищева.

Широко и глубоко образованный славист, проф. С. Б. Бернштейн в своих научных работах всегда был предельно честен и не поддавался политическим давлениям. Если условия для публикации были неблагоприятны – а по отношению к македонистическим научным исследованиям такое часто встречалось в советской стране, – Самуил Борисович просто не выступал в печати, ожидая лучших времен.

Одним из первых ученых в мире и первым в СССР Самуил Борисович кратко определил и описал македонский как самостоятельный национальный язык (БСЭ, т. 37, М., 1938). После кодификации македонского литературного языка в 1945 г. он написал грамматику молодого литературного языка и его диалектов с краткой хрестоматией диалектных и литературных текстов. Проспект книги был опубликован в Вестнике АН СССР (№ 4, 1948). Это была бы первая иностранная грамматика македонского языка, однако ее набор был рассыпан по конъюнктурным политическим причинам.

Большое значение для македонистики и славистики имеют научные работы С. Б. Бернштейна, посвященные анализу македонского литературного языка, созданного К. П. Мисирковым (в основном исследовались тексты корректуры журнала «Вардар» 1904 г., найденные С. Б. Бернштейном в 30-е годы в Одесском архиве). Бернштейн фактически открыл для мировой науки этого значительного деятеля истории македонской культуры.

В 1948 г. в статье «К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке» (Вестник Моск. ун-та, № 2, 1948) С. Б. Бернштейн характеризовал македонский язык и македонскую культуру в их историческом развитии. Он отмечал, что в XIX в., когда шли интенсивные процессы формирования южнославянских языков, деятели македонской культуры (К. Пейчинович, братья Миладиновы, Р. Жинзифов) писали либо на своем родном говоре, либо на болгарском или сербском языках. Как и А. М. Селищев, С. Б. Бернштейн подходил к истории языка и культуры македонского славянского этноса с тех же принципиальных позиций, что и к другим южнославянским этносам.

Опираясь на опыт К. П. Мисиркова 1903 г., С. Б. Бернштейн полагал, что диалектная база современного македонского литературного языка – центральные говоры западномакедонской диалектной группы – выбрана правильно, но особенности западномакедонских центральных говоров в кодификации 1945 г., по его мнению, отражены непоследовательно. Тогда, в 1948 г., Самуил Борисович еще не мог учесть особенностей ментальности македонцев и недооценил эстетическую сторону в подходе к некоторым вопросам кодификации македонского литературного языка: все участники государственной комиссии по кодификации получили образование на сербохорватском и болгарском языках и считали эти языки некоторым престижным эталоном при кодификации своего родного языка. Для них форма 3-го л. ед. ч. настоящего времени глаголов с окончанием *-m* выглядела «некультурной, деревенской и т. п.». Не мог знать С. Б. Бернштейн в ту пору и о тенденциях изменений в македонских диалектах.

Сведения о македонском языке, истории его диалектов и его культуры нашли достойное отражение также в ряде других славистических трудов С. Б. Бернштейна, например, в «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (том I – 1961, том II – 1974), в монографии «А. М. Селищев – славист-балканист» (1987).

В Македонии научная деятельность Самуила Борисовича Бернштейна была достойно оценена: в 1971 г. он одним из первых ученых мира был избран иностранным членом Македонской академии наук и искусств.

Интерес к македонскому языку и истории его диалектов Самуил Борисович пробудил у некоторых своих учеников, которых нельзя назвать македонистами в узком смысле этой специальности. Прежде всего назову две работы гения нашей науки В. М. Иллича-Свитыча (1934–1966). Его исследования македонского языка вошли в золотой фонд современной македонистики.

В статье «О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах» («Вопросы славянского языкознания», 6, 1962), представляющей большой интерес для сравнительно-исторического славянского языкознания и конкретно для истории македонского и болгарского языков, В. М. Иллич-Свитыч определил направления и стадии процесса утраты ринезма в южнославянских диалектах. Эта публикация внесла ощутимый вклад в изучение не только истории македонских и болгарских диалектов, но и истории славянского языкового мира в целом.

«Македонско-русский словарь» (М., 1963, объем 30000 слов, составители В. М. Иллич-Свитыч и Д. Головский, под научной редакцией Н. И. Толстого) – вообще первое лексикографическое исследование молодого литературного македонского языка начального периода его раз-

вития (1945–60 гг.). Благодаря словарной обработке с помощью лексических русских эквивалентов и четкому грамматическому справочнику, написанному В. М. Илличем-Свитычем, македонский язык стал доступным для широкого круга исследователей и читателей. Македонско-русский словарь 1963 г. может служить исходным материалом для изучения становления и истории развития лексики современного литературного македонского языка.

К школе С. Б. Бернштейна принадлежал и Н. И. Толстой, выпускник славянского отделения нашего факультета, впоследствии академик РАН и иностранный член Македонской академии наук и искусств. Став сотрудником Института славяноведения АН СССР, Н. И. Толстой выступил в качестве научного редактора Македонско-русского словаря В. М. Иллича-Свитыча и Д. Толовского 1963 г.; кроме того, он уделял много внимания македонскому языку и истории его диалектов и культуры в своих исследованиях о лексике славянских языков на общеславянском фоне (см., напр., его статьи «О болгарско- и македонско-русских изолексах», Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. М., 1975; М., 1977), проблемах типологии и истории литературных славянских языков и вопросах взаимоотношения языка и культуры (напр., в статье «Страничка из истории македонского литературного языка. (Переводы «Любушиного суда» из «Краледворской рукописи» на македонский язык в XIX в.)» (Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1965). Точка зрения Н. И. Толстого на историческое развитие и место македонского языка и его диалектов в истории языков и культуры славянского мира (Н. И. Толстой, «Избранные труды»: т. I, «Славянская лексикология и семасиология», М., 1997; т. II, «Славянская литературно-языковая ситуация», М., 1998), отражает принципиальные подходы А. М. Селищева и С. Б. Бернштейна, значительно развивая и углубляя научные познания по этой сложной проблеме.

Мне посчастливилось учиться под научным руководством Самуила Борисовича в аспирантуре Института славяноведения АН СССР по специализации «македонский язык». Осенью 1965 г., уже защитив диссертацию «Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке», я получила возможность поехать на десятимесячную специализацию в Македонию, где стажировалась под руководством одного из родоначальников македонского литературного языка Блаже Конеского. Вернулась в Москву, на кафедру славянской филологии МГУ, с весьма приличными практическими знаниями македонского языка. В 1975 г. на нашей кафедре удалось открыть специализацию «македонский язык и литература», которая успешно развивается, которая существует и по сей день, невзирая на политические препоны, около двадцати лет создававшие трудности для публикации

научных работ по македонскому языку и литературе. На кафедре были подготовлены пять выпусков специалистов-македонистов (около 35 человек), которые получили неплохое славистическое образование. Некоторые из них проявили себя как высококвалифицированные специалисты-переводчики, литературоведы и лингвисты, преподаватели русского языка иностранцам. Так, кандидатскую диссертацию по теме «Категориальный статус и функционирование глагольных форм с компонентом *ke* в современном македонском литературном языке» защитила в 1997 г. моя бывшая аспирантка Е. В. Верижникова, которая четыре года преподавала македонский язык и лингвистические предметы по македонистической специализации у нас на кафедре, пока я находилась в командировке в Скопье. Выпускница той же македонской группы нашего факультета М. А. Поварничина после защиты кандидатской диссертации (по сербохорватской проблематике под руководством В. П. Гудкова), работая в Пермском государственном университете, подготовила группу филологов – славистов-македонистов; впоследствии две ее выпускницы также защитили диссертации (М. Проскурнина по македонской литературе, работает в Институте славяноведения РАН; и Н. Баронникова – по общему языкознанию, однако с привлечением македонского языкового материала, преподает македонский язык студентам-филологам в Перми); наш выпускник 1990 г. В. Янчук работает преподавателем на филологическом факультете в г. Бресте (Беларусь) и пишет диссертацию по македонскому языку под руководством известного белорусского слависта и балканиста Г. А. Цыхуна; сейчас в аспирантуре Института славяноведения РАН учится наша выпускница – литературовед А. Евстратова.

В области македонистики мною опубликовано более 100 научных работ (из них 4 – монографии и учебники), посвященных системе грамматических форм и категорий в македонском языке сопоставительно с другими славянскими языками, особенностям становления и типологии македонского литературного языка, македонской лексикографии, македонскому языку как одному из балканских языков (Македонская академия наук и искусств высоко оценила эти исследования, избрав меня в 1979 г. своим иностранным членом). Научные работы, в основном статьи, по македонистической проблематике были опубликованы также Е. В. Верижниковой, М. А. Поварничиной, З. К. Шановой, защитившей в Петербургском университете диссертацию о категории пересказа в македонском языке, Н. С. Ковалевым, автором учебного пособия по македонскому языку для русистов, и т. д.

Важной научной публикацией в области македонистики стал Македонско-русский словарь в трех томах, содержащий около 65000 слов, терминологических сочетаний и фразеологизмов (составители Р. П. Усикова,

З. К. Шанова, Е. В. Верижникова, М. А. Поварничина; под редакцией Р. П. Усиковой; Скопје, 1997). Это наиболее полное лексикографическое описание македонского языка за последние 35 лет.

Немалый вклад в развитие македонистики на широком славянском и балканском фоне внесли научные исследования славистов, балканистов и этнолингвистов Москвы и других городов нашей страны, привлекавших македонский языковой и литературный материал для решения славистических и балканистических проблем (работы Т. В. Цивьян, Г. А. Цыхуна, С. М. Толстой, Г. П. Клепиковой, Л. Э. Калнын, А. В. Плотниковой, А. А. Кретова и др.).

Развитию македонистики способствует и наше научное и педагогическое сотрудничество с македонскими учеными. С 1976 г. на филологическом факультете МГУ появились преподаватели практического македонского языка из Скопского университета, т. е. был открыт лекторат македонского языка. Первые македонские лекторы – К. Конеский и Л. Минова-Гюркова, возвратившись на родину, написали хорошие учебные пособия по македонскому языку для иностранцев, где использовали методический и педагогический опыт работы в МГУ. Наши ученые вместе с македонскими участвовали в совместных научных конференциях в Скопье, Охриде и Москве, материалы этих выступлений и обсуждений публикуются в специальных научных сборниках.

Филологическая македонистика, импульс для развития которой дали А. М. Селищев и С. Б. Бернштейн, стала полнокровным компонентом российской славистики и балканистики.

Р. В. Булатова

О СУДЬБЕ КНИГИ С. Б. БЕРНШТЕЙНА «ОЧЕРКИ ПО МАКЕДОНСКОМУ ЯЗЫКУ»

В подготовленных к изданию мемуарах С. Б. Бернштейна¹⁵ находим записи (начиная с 1945 г.), касающиеся задуманной автором книги о македонском языке.

Очевидно, что идея написания данной монографии была унаследована Самуилом Борисовичем от его учителя А. М. Селищева, прекрасного знатока македонского материала и языковой ситуации в Македонии. Так, еще в 1934 г. Селищев предлагал Бернштейну в качестве темы кандидатской диссертации исследование говора Полога, где проживают болгары и македонцы. Толчком же для осуществления давнего замысла Бернштейну, несомненно, послужили не только накопленные материалы, но и внешнеполитические события.

¹⁵ С. Б. Бернштейн. Зигзаги памяти. 1943–1961 гг. 374 стр., 32 фотографии (в печати).

29 ноября 1943 г. в городе Яйце (Босния) на сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии македонские славяне впервые в их истории были признаны отдельным народом, имеющим право на самостоятельное развитие. А 31 декабря 1946 г. была принята конституция Народной Республики Македония. Македонский язык стал государственным.

Естественно, что вначале в литературном языке было много противоречий в орфографии. 7 июня 1945 г. Комиссия по вопросам языка и орфографии обнародовала проект македонской орфографии, упорядочивший этот разноречивый.

С. Б. Бернштейн, много и успешно трудившийся над монографией по македонскому языку, писал в своем дневнике, что в первой половине 1947 г. он намерен ее завершить. Реально книга, состоявшая из шести глав, была готова к январю 1948 г. В «Вестнике АН СССР» (№ 4, 1948. С. 85–86) Самуил Борисович описал ее содержание следующим образом.

В первой главе определялось место македонского языка среди других южнославянских. Вторая глава была посвящена характеристике фонетических и морфологических особенностей литературного македонского языка на материале произведений поэтов и прозаиков, а также газетных текстов; с осторожностью привлекался и диалектный материал. Третья глава содержала полемику с создателями нового литературного языка. Особенно упорно Самуил Борисович выступал за употребление окончания *-т* в 3 л. ед. ч. настоящего времени глаголов, споря со сторонниками окончания на гласный в этой форме. В небольшой четвертой главе Бернштейн давал описание отдельных фонетических и морфологических черт языка газеты «Вардар», которую в 1905 г. издавал в Одессе К. Мисирков. Пятую главу своей книги автор посвятил обзору трудов русских славистов, занимавшихся изучением македонских говоров и старых памятников письменности македонцев. Среди этих ученых – В. И. Григорович, П. А. Лавров, В. Н. Щепкин, Г. А. Ильинский, Н. С. Державин, А. М. Селищев. В последней, шестой главе Самуил Борисович писал о теоретических и практических задачах, которые предстоит решать специалистам. Самой неотложной задачей Бернштейн считал составление большого толкового словаря, а также двуязычных словарей и диалектологического атласа.

В первые послевоенные годы слависты жили ожиданием Международного славистического конгресса. 9 ноября 1947 г. Самуил Борисович записывает в своем дневнике: «Я принял решение выступить на конгрессе с докладом «Проблема македонского языка». Проблема острая, злободневная, интересная. Работа над книгой «Македонский язык» подходит к концу. До конца года проведу рукопись через Совет

Института. Остается мало времени для публикации, но Греков обещал, что книгу будут набирать молнией».

28 декабря 1947 г. рукопись книги Самуила Борисовича была утверждена к печати на Ученом совете Института. Дирекция отметила труд автора премией в 4000 рублей. Ответственным редактором был назначен С. П. Обнорский, высоко оценивший монографию.

Продолжая заниматься рукописью, Самуил Борисович внес в нее несколько исправлений, изменил и название на «Очерки по македонскому языку». Объем рукописи составлял 10–12 печатных листов.

Книгу Самуила Борисовича с нетерпением ждали и в Болгарии. Президент Болгарской АН Тодор Павлов, будучи в Москве, просил Грекова издать ее возможно большим тиражом. Зимой 1948 г. книга была набрана. В марте автор читал корректуру. Вскоре после этого, однако, произошли известные события, связанные с Югославией, и набор был рассыпан. Самуил Борисович очень остро это переживал.

Спустя некоторое время положение изменилось, и в 1954 г. Бернштейн пишет: «Думаю, что после основательной доработки рукопись может быть опубликована. Конечно, приоритет утрачен». Однако и это издание не состоялось.

Текст книги, находящийся ныне в Московском городском архиве¹⁶ (титульный лист в машинописном оформлении выглядит так: С. Б. Бернштейн. Очерк македонского литературного языка. М., 1949), включает три единицы хранения, содержащие как рукописные страницы, так и машинопись. Имеется небольшое Введение (5 страниц), а в конце помещена подборка текстов разного жанра; предполагалось также снабдить книгу указателем. Приложенные оттиски опубликованных автором статей по македонистике показывают, чем из имевшегося в его распоряжении материала он особенно дорожил.

Неизменно подкупает непреходящий интерес ученого к македонскому языку как своего рода уникальному явлению в истории славистики: ведь в прошлом болгарские и македонские говоры были говорами одного языка, но изменившиеся экстралингвистические обстоятельства дали возможность македонскому стать равноправным членом славянской группы языков.

Велик был авторитет Самуила Борисовича и у болгар, о чем свидетельствует призыв Президента Болгарской АН к болгарским ученым исследовать, как в результате распада ранее единой болгарской этнической общности возникает новый литературный македонский язык¹⁷.

¹⁶ Мосгорархив, папка (по описи 55).

¹⁷ Т. Павлов. Избрани произведения. Т. 2. София, 1958. С. 388.

В архиве Самуила Борисовича имеется 8 машинописных страниц от 1 сентября 1961 г. под заголовком «Македонские дела». Они проливают дополнительный свет на занятия Бернштейна македонистикой. Эта запись проникнута лиризмом, не свойственным, казалось бы, нашему учителю. «Вся моя сознательная жизнь прошла возле македонских дел... Македония! В школьные годы это географическое название очень меня волновало. Да и связано оно было с далекими античными временами, с Александром Македонским. Не думал я тогда, наивный юноша, что Македония будет меня преследовать всю жизнь, что принесет мне и радости творчества, и горечь неприятностей».

Македонцы по праву высоко оценили отношение С. Б. Бернштейна к их стране, к проблемам их культуры и языка, избрав его в 1971 г. членом Македонской академии наук и искусств.

Т. Н. Молошная

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, болгарский язык характеризуется наличием определенного постпозитивного суффиксированного артикля. Иначе говоря, категория О / НО в нем грамматикализовалась, т. е. получила морфологический способ выражения, и это формальное ее выражение стало обязательным. Также известно, что определенный постпозитивный артикль противопоставлен нулю в том смысле, что грамматический материально выраженный неопределенный артикль в болгарском языке не сформировался. Попытки доказать, что ослабленное числительное *един* стало таковым, успехом не увенчались. Представляется, что это слово является неопределенной артиклетипичной синтаксической частицей с факкультативным употреблением. Таким образом, болгарский язык может быть назван языком с одноартиклевым образованием оппозицией «определенный артикль – нуль», где нуль многозначен.

Во всех остальных славянских (и неславянских) языках, в которых артикля нет, категория О / НО имеет иные способы выражения, чаще всего устанавливаемые на основе функциональных связей этой категории с различными другими категориями. Так, в русском языке противопоставление О / НО осуществляется с помощью винительного и родительного падежей существительного: винительный прямого дополнения часто означает его определенность, а родительный неопределенность (ср. *просить денег* и *просить деньги*). Это противопоставление может в ряде случаев выражаться формами числа существительных: существительное во мн. ч. иногда имеет значение неопределенности, а в ед. ч. –

определенности. Так, говорят «У нас гости» об одном человеке и «Здесь прошел немец», когда имеется в виду много лиц.

Более того, категория О / НО может выявляться с помощью глагольных форм. Хотя глагол сам по себе не обладает данной категорией, он способен имплицировать ее семантику благодаря участию категорий лица, числа и рода. Это свидетельствует о том, что глагольные и именные системы не отделены друг от друга абсолютно – существуют некоторые общие семантические категории, присущие всем частям речи: ср. идеи Т. В. Бульгиной о суперкатегориях, действующих как в сфере имени, так и в сфере предикатов, или, может быть, относящихся к предложению в целом (Бульгина 1980. С. 354); мнение Т. М. Николаевой о «сквозных категориях», к числу которых относится в первую очередь категория О / НО (Николаева 1981) и сходные мысли Ю. С. Степанова о семантических категориях, затрагивающих и подлежащее, и сказуемое (Степанов 1981).

В болгарском языке, несмотря на присутствие в нем артикля, также наблюдается функциональное взаимодействие категории О / НО и категории числа существительного (ср. *Имаш гости* ‘У тебя гости’ об одном человеке) и категорий лица, числа и рода глагола. В глаголе неопределенность как часть значения форм множественного числа проявляется даже более четко, чем в существительном. Признак неопределенности наглядно демонстрируется в бессубъектных глагольных формах 3-го лица мн. ч. в составе неопределенно-личных конструкций: *От виното правят оцет* ‘Из вина делают уксус’; *У нас орат с плугове* ‘У нас пахут плугами’; *По дрехи посрещат, по ума изпрацат* ‘По одежде встречают, по уму провожают’; *Казват, че който носи обичка на ухото си, бил много късметлия* ‘Говорят, что, кто носит в ухе сережку, удачлив’. В этих предложениях подлежащие опускаются, ибо они неизвестны, неясны. В неопределенно-личных предложениях, как писал А. М. Пешковский. «подлежащее намеренно устранимо из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное»; восстановление «...опущенного подлежащего уничтожило бы тот оттенок неопределенности, в котором все дело» (Пешковский 1956. С. 371).

Проблему прагматически подчеркнутых типов неопределенно-личного употребления форм 3-го л. мн. ч. при референтной отнесенности к говорящему лицу в экспрессивных оборотах типа *Вам говорят...* (= *Я говорю*) оставляем здесь без рассмотрения как не самую существенную для воплощения категории О / НО в глагольных формах.

Для выражения неопределенноличности может также использоваться пассивная конструкция, в которой согласование глагола в числе и роде с семантическим объектом, занимающим позицию подлежащего, находит формальное проявление: *Приемат се заявления* ‘Принимаются

заявления'; *Тревата се коси* 'Трава скашивается'; *Продава се тристаен апартамент* 'Продается трехкомнатная квартира'. Здесь значение субъекта действия остается неопределенным, как и в синонимичных предложениях неопределенно-личной структуры: *Приемат заявления* 'Принимаются заявления'; *Косят тревата* 'Косят траву'; *Продават тристаен апартамент* 'Продают трехкомнатную квартиру'.

Неопределенноличность иногда передается с помощью безличных пассивных конструкций: *По тревата е ходено* 'По траве ходили'; *В стаята е влизано* 'В комнату входили'.

Неопределенность субъекта действия может также выражаться с помощью обобщенно-личных бесподлежащих предложений со сказуемым, представленным формой 2-го л. ед. ч. буд. вр. или повелительного наклонения. Обобщенноличность – это указание на неопределенное лицо, на любого человека или людей вообще, в том числе на 1-е л., т. е. на говорящего: *Излъжеш ли веднъж, не ти вярват втори път* 'Солжешь раз, в другой раз тебе не поверят'; *Натиснеш само едно бутонче и готово* 'Нажмешь только кнопку и готово'; *За селските жени едно време нямаше почивка: гледай деца, работи на полето, готви, преди – от младини до старини* 'Крестьянкам не было отдыха: заботься о детях, работай в поле, готовь, стирай – с молодости до старости'.

Интересные наблюдения над связью между категориями лица, числа и рода и О / НО подлежащего в болгарском языке приведены в книге Т. Шамрай (Шамрай 1989). Она пишет, что в болгарском языке в экзистенциальных высказываниях, в которых сказуемое представлено глаголами *има* и *няма* в форме 3-го л. ед. ч., подлежащее всегда выступает в неопределенной форме, поэтому правильно *В стаята има бюро*, *В библиотеката има книги*, *В съчинението няма грешки* и неправильно **В стаята има бюрото*, **В библиотеката има книгите*, **В съчинението няма грешките*. Однако, если в предложение входит краткая форма винительного падежа личного местоимения, дублирующая подлежащее, последнее может употребляться в определенной форме: *В стаята го има бюрото*, *В библиотеката ги има книгите* и проч. В известном смысле допустимо считать, что местоименная реприза служит показателем определенности существительного-подлежащего. Это справедливо и относительно существительного-прямого дополнения: *Крушата я рисува детето* (определенность дополнения) и *Детето рисува круша* (неопределенность дополнения) 'Ребенок рисует грушу'; *Котката я гони кучето* (определенность дополнения) и *Кучето гони котка* (неопределенность дополнения) [Иванчев 1978. С. 139, 165].

Отсутствие согласования нечленного подлежащего со сказуемым в роде наблюдается также в болгарских предложениях безличной структуры типа *Насъбрало се е врабец* вместо *Насъбрал се е врабец*. 'Собра-

лось воробьев'. Наряду с личной конструкцией *Валял е дъжд / сняг* 'Прошел дождь / снег' часто употребляется безличная *Валяло е дъжд / сняг*; *Цяла нощ е ръмяло дъжд* 'Целую ночь моросил дождь'; *Паднало е слана* 'Падала изморозь'. Но если существительное-подлежащее имеет определенный артикль, то согласование оказывается обязательным: *Валял е дъждът / снегът*, *Дъждът е ръмял*, *Насъбрал се е врабецът*, и соответственно предложение превращается в личное. Т. Шамрай делает вывод, что в болгарском языке отсутствие согласования подлежащего и сказуемого обусловлено грамматическим значением неопределенности, характерным для нечленной формы существительного (Шамрай 1989. С. 551). Подтверждением этому могут служить конструкции, подобные безличным, где семантическое подлежащее не согласовано в роде со сказуемым, например, *Трева е поникнало и на камък* 'Трава выросла и на камне'; *Замък там било отколе, чуден, бляскав и голям* 'Некогда там был замок, чудесный, сверкающий, большой'; ср. также *Боляло я зъб* 'У нее болел зуб'.

В болгарском языке имеются и другие типы безличных предложений, выражающие неопределенность субъекта действия, например, *Гърми* 'Гремит гром'; *Беше се мръкнало* 'Смеркалось'; *Боли го под мишницата* 'У него болит под мышкой'. Глагол в этих безличных предложениях имеет форму 3-го л. ед. ч., а в прошедшем времени – среднего рода. Подлежащее устраняется как неизвестная причина того явления, которое обозначено глаголом.

Как видим, неопределенность субъекта действия может быть выражена глагольными формами и 3-го л. мн. ч., и 2-го л. ед. ч., и формой 3-го л. ед. ч., в прошедшем времени, имеющей значение среднего рода. Эти морфологические средства выражения категории О / НО функционируют лишь в некоторых синтаксических условиях, а именно в предложениях неопределенно-личной, обобщенно-личной и безличной структуры. Способность данных морфологических форм выражать О / НО зависит также от порядка слов, от лексико-семантических разрядов существительных и глаголов в составе предложения и от таких супрасегментных средств, как фразовое ударение и фразовая интонация (см. об этом Гладров 1992; Поспелов 1971; Николаева 1979).

Литература

- Булыгина 1980 – Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М. С. 320–355.
- Гладров 1992 – Гладров В. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики. СПб. С. 232–266.

- Иванчев 1978 – *Иванчев Св.* Приноси в българското и славянското езикознание. София.
- Николаева 1979 – *Николаева Т. М.* Акцентно-просодические средства выражения категории определенности – неопределенности // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. М. С. 119–174.
- Николаева 1981 – *Николаева Т. М.* Категориально-грамматическая цельность высказывания и ее прагматический аспект // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 40, № 1.
- Пешковский 1956 – *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.
- Поспелов 1971 – *Поспелов Н. С.* О выражении категории определенности / неопределенности временными значениями русского глагола в форме прошедшего совершенного // Памяти акад. В. В. Виноградова.
- Степанов 1981 – *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения. М.
- Шамрай 1989 – *Шамрай Т.* Членувани и нечленувани имена в българския език. София.

Т. В. Попова

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ БОЛГАРСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Проблемам морфологии и морфонологии славянских языков, в том числе и болгарского, С. Б. Бернштейн всегда уделял большое внимание. Достаточно вспомнить, помимо многих статей, его монографию «Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы» (М., 1974).

Ранее я уже касалась вопроса о структуре болгарских существительных, но, к сожалению, мое мнение не получило среди болгаристов ожидаемого резонанса. Тем не менее данная проблема мне и сейчас представляется достаточно интересной и заслуживающей определенного внимания. Поэтому я рискую обратиться к ней еще раз и хочу остановиться на вопросе о принципиальной возможности пересмотра и уточнения морфемного членения словоформ мн. ч. некоторых групп болгарских существительных.

Субстантивная система современного болгарского языка является аналитической. Но при этом фактически все существительные имеют числовую парадигму, состоящую из двух словоформ – словоформы ед. ч. и словоформы мн. ч., которые различаются между собой прежде всего флексиями. Сложность данной болгарской парадигмы, насчитывающей всего две словоформы, заключается в структуре самих этих

словоформ, в которых можно, как мы постараемся показать ниже, вычленять не только основу (корень) и флексию, о чем свидетельствуют все грамматики болгарского языка (исключение составляет «Грамматика» Н. В. Котовой и М. Янакиева), но и некоторые, не учитывавшиеся ранее, морфонологические элементы.

Совершенно очевидно, что вопросы, связанные с морфологическим членением структурно сложных болгарских существительных, допускают целый ряд альтернативных решений, что, собственно, мы и находим (к сожалению, обычно в качестве случайных замечаний) в ряде работ некоторых болгаристов (напр., П. Пашов, Г. Аронсон, Г. Гилян, Т. Бояджиев и др.).

Прежде чем перейти к изложению конкретных фактов, необходимо коснуться некоторых общепринятых положений.

Как известно, в результате морфемной сегментации словоформы имен существительных, образованные по определенной стандартной модели, расчленяются на две части, которые имеют статус морфем, а именно на основу (или корень) и флексию. Считается, что иерархический характер их взаимоотношений обусловлен различиями в дистрибуции, частотности, значении и функциях, выполняемых в языке данными единицами. Так, например, если каждая основа (или корень) является полностью индивидуальной и неповторимой единицей в силу присутствия только ей конкретного лексико-семантического значения, то флективные морфемы, обладающие релятивным значением и служащие для установления синтаксических связей между словами в предложении, оказываются единицами максимально обобщенными и в какой-то степени абстрагированными, т. е. они характеризуются стандартностью и универсальностью, а также независимостью от лексического значения основ, к которым они присоединяются. В связи с этим количество основ в любом языке, в том числе и в болгарском, является практически безграничным. Что же касается флексий, то их количество, в силу их обобщенного формального значения, не может быть слишком большим, поскольку они обладают высокой степенью повторяемости, способностью сочетаться с широким и подчас даже трудно определяемым кругом основ и, наконец, возможностью образовывать парадигматические ряды однотипных слов, относящихся к одной и той же части речи.

Отметим, что в процессе словоизменения морфы одной морфемы могут подвергаться различного рода модификациям формального характера и вступать друг с другом в отношения варьирования. Если варьирование звуков в морфах одной морфемы обусловлено только фонетическими причинами и разрешено правилами звуковой синтагматики, то оно является позиционным чередованием звуков (или меной звуков, по терминологии С. Б. Бернштейна). Если же такое варьирование

не зависит от фонетических причин, то мы имеем дело уже с морфонологическим чередованием различных самостоятельных фонем.

Само понятие «морфонологическое чередование» оказывается достаточно емким: оно охватывает довольно обширный круг явлений, которые, чтобы отвечать критерию морфонологичности, должны обладать самым главным условием, а именно: не разрушать единства (или тождества) морфемы, в морфах которой эти явления отмечены.

К самым распространенным морфонологическим чередованиям относятся: а) сегментные чередования, например, /к/ ~ /ц/ в болг. *ученик* ~ *ученици*; /i/ ~ /o/ в укр. *віл* ~ *вола*; б) чередования фонемы с нулем звука, например, /ъ/ ~ /#/ в болг. *зъл* ~ *зла*, /o/ ~ /#/ в рус. *сон* ~ *сна*; в) наращенные и усеченные различные звуковые комплексы, например, усечение /ин/ в рус. *граждане* (от *гражданин*); наращение /ес/ в рус. *чудеса* (от *чудо*).

В трудах, специально посвященных вопросам болгарской грамматики, традиционно принято рассматривать в качестве флексий мн. ч. не только чрезвычайно простые по своей структуре флексии, такие, как, например, *-и*, *-е*, *-а*, *-я* (/и е а/), ср. *другар* – *другари*, *село* – *села*, *полушарие* – *полушария*, *кон* – *коне*, но и сложные многофонемные сочетания типа *-ове*, *-еве*, *-ьове*, *-йове*, *-ища*, *-овце*, *-овци*, *-ета*, *-та*, *-ена*, *-ия*, *-еса*, например: *стол* – *столове*, *змей* – *змейове*, *зет* – *зетьове*, *вятър* – *ветрове*, *бой* – *боеве*, *път* – *пътища*, *чичо* – *чичовци*, *листец* – *листовце*, *чудо* – *чудеса*, *име* – *имена*, *агне* – *агнета*, *такси* – *таксита*, *вярване* – *вярвания*. Большинство из указанных здесь многофонемных флексий (за исключением *-ове* и *-ета*) служат для образования словоформ мн. ч. в немногочисленных, замкнутых группах слов и относятся к числу непродуктивных способов образования формы мн. ч. существительных в современном болгарском литературном языке (на этот факт указывал Ю. С. Маслов в «Грамматике болгарского языка». М., 1981. С. 141).

Однако, несмотря на это, весь данный внушительный корпус флексий мн. ч. (более 20) с завидным упорством традиционно переносится из грамматики в грамматику (см., например, грамматики Л. Андрейчина, С. Стоянова, Ю. С. Маслова, Академическую грамматику, новую грамматику П. Пашова и др.). Вряд ли можно считать данное обстоятельство доказательством того, что вопрос о количестве, составе и структуре флексивных морфем мн. числа существительных в болгарском языке окончательно и, главное, удачно решен.

Нам представляется, что в связи со сказанным (в частности, о роли в языке данных двух типов морфем – основ и флексий) было бы вполне разумным обратиться к рассмотрению всего существующего в современном болгарском литературном языке корпуса флексий и предложить

один из возможных способов анализа их структуры в строго синхронном плане.

При рассмотрении структуры современных «простых» (однофонемных) и «сложных» (многофонемных) флективных морфем мн. ч. существительных в болгарском языке буквально бросается в глаза тот факт, что все «сложные» флексии непременно содержат в качестве конечного элемента одну из «простых» флексий *-и*, *-е*, *-а*, *-я*, например: *-ов-е*, *-ен-е*, *-овц-и*, *-ес-а*, *-и-я* и т. д. В результате сегментации словоформ мн. ч. на морфологическом уровне могут быть получены такие соответствия, основывающиеся на синхронной разложимости форм, как: *стол-ов-е* (от *стол*) и *кон-е* (от *кон*); *пил-ет-а* (от *пиле*) и *сел-а* (от *село*) или *въж-а* и *въж-ет-а* (от *въже*); *пол-я* (от *поле*) и *вярван-и-я* (от *вярване*) и т. д.

Эти факты свидетельствуют о том, что в синхронном плане в принципе допустима возможность некоторого переосмысления фактов, традиционно относимых к области морфологического устройства данных словоформ. Двигаясь в этом направлении, можно прийти к выводу, что только «простые» (однофонемные) структуры (а именно *-и*, *-е*, *-а*, *-я*) являются в настоящее время реальными и действительно живыми флексиями мн. ч. болгарских существительных. (Заметим, кстати, что было бы очень важно провести статистическое исследование форм мн. ч. существительных и их флексий, образованных от новых слов, вошедших в язык в последние десятилетия.) Указанные однофонемные (однобуквенные) флексии при образовании словоформ мн. ч. присоединяются к основе либо непосредственно (например: *бивол – бивол+и*, *палто – палт+а*, *трън – трън+е*, *поле – пол+я*), либо же примыкают к одному из сегментов, выделившемуся из «сложной» флексии после отсечения от нее крайней «простой» флексии, который (сегмент) можно было бы рассматривать в качестве структурного элемента, расширяющего (наращивающего) основу существительного в форме мн. ч. (например: *стол – стол+ов-е*, *рамо – рам+ен-е*, *дядо – дяд+овц-и*, *агне – агн+ет-а*, *име – им+ен-а*, *такси – такси+т-а* и т. д.).

Очевидно, что сегмент, расширяющий основу в словоформах мн. ч., не является самостоятельной морфемой: наличие или отсутствие его не изменяет лексического значения основы и не оказывает влияния при формировании новых смысловых оппозиций между словоформами ед. и мн. ч. одного и того же существительного, что было показано на примерах. В принципе данный как бы и «незначимый» сегмент, а только структурный, появляющийся в словоформах мн. ч., может быть отнесен либо к основе, либо к флексии. Выбор того или иного решения должен зависеть от соображений целесообразности и непротиворечивости устройства в языке в синхронном плане данного фрагмента грамматической системы.

Все факты, относящиеся к этой проблеме, дают основание предпочесть решение о включении «незначимых» (дополнительных) сегментов в состав основы существительного, а не в состав его флексии. В пользу принятого решения говорят и некоторые формы, возникшие в разговорной речи по аналогии и встречающиеся, например, в языке детей (*някой ме удари със един столов* – вместо *стол*, мн. ч. *столове*), в некоторых диалектах (в говоре с. Волак Драмско записана форма ед. ч. *чудесо*; правильно было бы ед. ч. *чудо*, мн. ч. *чудеса*).

Следовательно, традиционные «сложные» флексии, такие, как, например, *-ове*, *-ена*, *-ища* и другие, выделяемые в словоформах мн. ч., могут, по нашему мнению, рассматриваться в синхронном плане в качестве структур, которые состоят из двух элементов, неравнозначных по своей роли в языке, а именно: морфонологического сегмента, с помощью которого расширяется (наращивается) вариант основы в словоформе мн. ч. (например, *-ов-*, *-ес-*, *-ет-* и др.), и морфологической единицы – «простой» (однофонемной) флексии *-и*, *-а*, *-е*, *-я*. В этом случае парадигмы определенных групп существительных будут характеризоваться чередованием, связанным с морфонологическим наращением основы, а система флексий мн. ч. не будет заметно усложненной (т. е. вместо 20 флексий остается только 5).

В настоящее время в болгарский язык (как и во все другие языки) проникает много новых слов, которые начинают жить по законам существующих правил болгарской грамматики. В связи с этим хотелось бы отметить, что в ряде случаев не всегда наблюдается строгая закономерность в образовании тех или иных словоформ. Приведу лишь несколько примеров: *милиграм* – *милиграмове*, но *килограм* – *килограми*; *тип* – *типове*, *прототип* – *прототипове*, но *стереотип* – *стереотипи*; *клип* – *клипове*, но *гимн* – *гимни*. Существуют варианты при образовании словоформ мн. ч. существительных не только в заимствованиях, но и в исконно болгарских словах, например: *двор* – *дворове* / *двори* / *дворища*; *звук* – *звуци* / *звукове*; *казак* – *казаки*, *таджик* – *таджики*, *казак* – *казахи*, *чех* – *чехи*, но *узбек* – *узбеки* / *узбеци*, *калмик* – *калмици*.

Мне кажется, что приведенные факты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что уже можно говорить о вполне назревшей задаче определенного пересмотра и переосмысления некоторых традиционных вопросов болгарской грамматики, в частности, вопросов, связанных с проблемой болгарского субстантивного словоизменения.

Олга М. Младенова (Калгари)

БОЛГАРЫ И РУССКИЕ: КАК МЫ (НЕ) ПОНИМАЕМ ДРУГ ДРУГА

В ходе совместной работы над четвертым, переработанным и расширенным изданием Болгарско-русского словаря, которое должно было быть опубликовано издательством «Русский язык» в начале 1990-х годов, я неоднократно слышала от Самуила Борисовича Бернштейна забавные истории о недоразумениях, вызванных интерпретацией фактов другого славянского языка сквозь призму своего родного. Он вспоминал русскую женщину, которая хотела купить у крестьянина на рынке в Софии грибы и предварительно поинтересовалась у него, съедобны ли они, на что получила ответ, что они *ядливи* 'съедобные'. Когда Самуил Борисович попытался выяснить, почему же она не купила грибов, женщина ответила: «Так ведь он сказал, что они ядовитые!» Болгары, хотя они долгие годы изучали русский язык в обязательном порядке, чувствовали опасности такого межнационального общения, что отражено в бесчисленном количестве анекдотов о двоечниках, переводящих сочетание *одинокий мальчик* на болгарский как *еднооко момче* 'одноглазый мальчик'.

Мне уже приходилось писать о народной этимологии как продукте общения в условиях болгарско-русского и болгарско-греческого билингвизма (Младенова 1990; Mladenova 1993). В таких условиях может произойти реинтерпретация материала иностранного языка, при которой он полностью или частично замещается формой родного языка, не состоящей в родстве с замещаемым элементом (Coates 1994). Этот процесс ведет к прозрачности внутренней формы заимствования вне зависимости от внутренней формы источника этого заимствования.

Здесь я приведу еще один случай народной этимологии. В недавнем нашумевшем романе Алека Попова «Мисия Лондон» Данаилов, военный аташе при болгарском посольстве в Лондоне, назван *ярък привърженик на конспиративната теория* 'яркий сторонник конспиративной теории' (Попов 2001. С. 242). Из контекста становится ясно, что речь идет не о том, что Данаилов чем-то выделялся на фоне других сторонников конспиративной теории и представлял собой яркий пример сторонника конспиративной теории. Он просто безоговорочно принимал эту теорию и с жаром защищал ее от попыток подвергнуть сомнению, т. е. он был ее **ярим** сторонником. В то время как сотрудники болгарского посольства считают, что королева Англии находится на приеме в посольстве, охрана посольства, куда входит и дежурный Данаилов, смотрит по телевидению новости, где утверждается, что королева находится с официальным посещением в Мозамбике. Считаю, что общество систематически обольщается политиками при помощи использования двойников, Данаилов говорит онемевшей охране, что британцы не

станут посылать свою королеву «этим обезьянам» в Африку. Тон Данаилова не допускает возражений, он взрывается (*избухва*). Именно в этот момент автор и называет его ярым (ярким?) сторонником конспиративной теории.

Судя по болгарским словарям, вплоть до последнего издания Болгарского толкового словаря (БТР 1999. С. 1093), у прилагательного *ярък* нет значения 'ярый'. У русского прилагательного *ярый* вообще нет соответствия в болгарском языке. Таким образом, распространенное русское выражение *ярый сторонник*, в котором *ярый* означает 'страстно преданный' (Ожегов 1984. С. 815), было неправильно истолковано носителями болгарского языка и передано псевдоэквивалентом *ярък привърженик*. Под влиянием формальной близости болгарского прилагательного *ярък* и русского *ярый* болгарское прилагательное начало употребляться в несвойственном для него словосочетании, в котором оно приобретает новое значение 'убежденный, преданный', не отмечаемое словарями. Не исключено, что некоторые носители болгарского языка *ярък* в словосочетании *ярък привърженик* продолжают воспринимать в буквальном смысле, однако Алек Попов к этой группе не относится. Если такое разногласие возможно, то использование возникшего в результате народной этимологии выражения *ярък привърженик* чревато коммуникативными неясностями.

Хотя я не располагаю другими примерами употребления этого словосочетания, должна подчеркнуть, что оно попадалось мне и раньше. Иными словами, речь идет не об индивидуальной особенности речи Алека Попова, а о факте болгарского литературного языка.

Народная этимология, внимание к которой усилилось с конца 1980-х годов (см. Sikimić 1996. С. 12–13, со ссылками на более ранние работы), рассматривается в научной литературе в основном с точки зрения ее возможностей для решения вопросов значительной хронологической глубины, относящихся к сферам мифологии, поэзии и фольклора. Болгарские литературные выражения *ярък привърженик*, как и приводившиеся ранее *отцепвам територия* 'отцеплять территорию' или *разтрогвам брак* 'расторгать брак' (Младенова 1990), свидетельствуют о непрекращающейся этимологической активности носителей языка, особенно выпукло проявляющейся в условиях языкового контакта.

Библиография

БТР 1999 – Л. Анрейчин и др. Български тълковен речник. Четвърто издание. Допълнено и преработено от Димитър Попов. София: Наука и изкуство, 1999.

Младенова 1990 – Олга Младенова. Отцепвам, разтрогвам. Два случая на народна етимология. // Език и литература 1990, № 3, 76–77.

- Ожегов 1984 – С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Издание пятнадцатое, стереотипное. Под редакцией Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык, 1984.
- Попов 2001 – Алек Попов. Мисия Лондон. София: Звездан, 2001.
- Coates 1994 – R. Coates. Folk Etymology // R. E. Asher (editor-in-chief). The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 3, 1267–1270. Oxford etc.: Pergamon Press, 1994.
- Mladenova 1993 – Olga Mladenova. A Case of Folk-Etymology in Bulgarian: *присламчвам се; прикаламисвам се* // Балканско езикознание 1993, 36 / 1, 49–55.
- Sikimić 1996 – Biljana Sikimić. Etimologija i male folklorne forme. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 1996.

Т. С. Тихомирова

ЕЩЕ РАЗ О ПАДЕЖЕ

Падеж как грамматическая категория и как падежная форма издавна интересовал лингвистов. Не одно поколение исследователей обращалось к разным аспектам этого элемента языковой структуры: его изучали в генетическом и этимологическом плане (см. известные дискуссии логицистов и локалистов), стремились установить иерархию падежных значений в синхронии и диахронии (исходное, общее, инвариантное, главное, основное, частное значение падежа), а также своеобразие отношений предлога и падежной флексии, в соотнесенности падежных значений усматривались общие закономерности оппозитивных систем (см. морфологическую теорию Р. Якобсона), а внимание к семантико-синтаксическим свойствам отдельных падежей (см. теорию Е. Куриловича) определило выделение падежей синтаксических (с абстрактными функциями) и падежей семантических. Это, видимо, в конечном счете способствовало смещению внимания лингвистов на поведение падежных форм в тексте и их функциональные особенности, что в свою очередь поставило вопрос о функционально-синтаксической классификации падежных форм, в частности, по степени их самостоятельности и независимости (см., напр., функциональные классификации Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой и др.). Обращение к собственно номинативной стороне падежных форм и обуславливающих их предикатов позволило «спуститься» с конкретного уровня текста в глубины семантических падежей (см. падежную грамматику Ч. Филлмора, К. Л. Пайка и др.).

Особую позицию в этих изысканиях, бесспорно, занимает коллективная монография «Творительный падеж в славянских языках» (М., 1958), созданная под руководством проф. С. Б. Бернштейна и ориентированная на сравнительно-историческое описание всего объема весьма

разнородных значений данного славянского падежа в их исторических связях и взаимообусловленности.

Каждый из этих подходов расширял знания о падеже и падежной форме, о падежной системе в целом, однако разнообразие методик и неоднозначность решений, даже в рамках единого, казалось бы, семантико-функционального аспекта (см., напр., Грамматика русского языка. М., 1952; В. В. Виноградов, Грамматика русского языка. М., 1980; Н. Ю. Шведова, Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; работы Г. А. Золотовой и др.) позволяют предположить, что проблему падежа трудно считать окончательно закрытой.

По мере перехода от поиска общих закономерностей устройства падежной системы и классификации падежей к классификации отдельных падежных форм все полнее вырисовываются факторы, которым падежная форма обязана своим значением и функционированием в тексте. Среди этих факторов, наряду с самой морфологической формой, характером ее грамматических связей, ролью в словосочетании и предложении, все чаще и все большее внимание исследователей привлекают лексические значения слов, составляющих падежную конструкцию, притом не только управляющего глагола или другого главенствующего слова, но и самого имени существительного. Признание релевантности этого фактора нашло отражение в монографии «Творительный падеж в славянских языках», для своего времени – середины 50-х годов – довольно полное. Авторы этого труда применительно ко всем семантико-грамматическим разновидностям творительного падежа отмечают связь и обусловленность той или иной семантики падежной конструкции тем или иным ее лексическим наполнением, особенно в части главенствующего слова. Еще более отчетливо эту зависимость позволяет обнаружить не только историко-сравнительный, но и сопоставительный подход.

Монография о творительном падеже в славянских языках, равно как и более поздние описания значений и функций падежных форм, показали, что разные падежные конструкции, разные падежные значения проявляют не только зависимость от лексико-семантической характеристики господствующего слова, но и от аналогичных черт самого имени существительного. При реализации значения и функций падежной формы степени этой взаимной обусловленности между лексическими значениями компонентов конструкции входят как бы в отношения обратной пропорциональности. Диапазон этот весьма широк – от максимальной обусловленности глаголом-предикатом при нулевой релевантности семантики имени до полной свободы от глагольной семантики при абсолютной и жесткой обусловленности лексическим значением существительного. Первое явление отмечается, например, при передаче боль-

шинства субъектно-объектных отношений – вин. прямого объекта, местн. изъяснительный или же твор. предикативный и проч., ограничения же выступают лишь на уровне лексической сочетаемости: нельзя «видеть запах» и т. п., а вместе с тем падежное значение времени как в творительном падеже, так и в других падежных формах, исходно базируется на лексемах, несущих сему временной протяженности; также значительные требования к семантике существительного предъявляют формы творительного падежа со значением сравнения, орудийности, меры и др. Это положение приводит к мысли о возможности и целесообразности вести исследование падежных значений и функций как бы с другого конца, т. е. исходить именно из имени, из его лексических и семантических свойств и особенностей, не упуская, естественно, из вида всех прочих лексических и грамматических компонентов конструкции. Подобное рассмотрение может оказаться весьма полезным и результативным как для достижения полноты представления о семантическом и синтаксическом потенциале всей падежной системы данного языка, так и для выявления синтактико-функционального статуса каждого существительного. Взгляд со стороны имени существительного убеждает, что обязательным и безусловным для каждого имени, т. е. для его падежных словоформ является лишь определенная совокупность субъектно-объектных значений (да и то не всех!), в то время как возможность реализации прочих и прежде всего так наз. определительных (семантических) функций существенно ограничена его лексической характеристикой (ср. беспредложные формы творительного типа «салфеткой», «удовольствием», «сыном» не могут нести ни временных, ни пространственных значений). Другими словами, именная лексема даже в совокупности всех своих – беспредложных и предложных – словоформ не в состоянии реализовать полный потенциал падежных значений и функций, которые свойственны всей падежной системе данного языка, а обладают лишь определенным их комплексом, и именно этот потенциальный комплекс, набор падежных значений и функций, и составляет для каждой именной лексемы ее синтаксическую – в отличие от морфологической – парадигму. Назовем ее падежно-синтаксической или же падежно-функциональной. Естественно, что, за исключением лексикализованных явлений, эта падежно-функциональная парадигма не индивидуальна и, следовательно, может служить основанием для объединения и разграничения лексем по данному признаку. Так, личные имена формируют в частности конструкции с субъектно-объектными, локативными, директивными и подобными значениями, что объединяет их с другими словами с конкретной семантикой, но только их формы способны нести значение «субъекта психического состояния» (ср. *юноша влюблен, юноше нравится девушка*). Аналогично неповторимым набором падежных

значений, как следует из монографии «Творительный падеж в славянских языках», характеризуется лексико-семантическая (а по существу – лексико-синтаксическая) группа имен, обозначающих части тела, что и подтвердилось позднейшими исследованиями. Установление групп лексем, проявляющих не только более общие и универсальные, но и достаточно своеобразные свойства в семантике падежного функционирования, т. е. собственно классификация существительных по их падежно-функциональным парадигмам, как представляется, открывает новые перспективы анализа.

Нельзя не отметить, что границы падежно-функциональной парадигмы для отдельных слов и даже групп могут быть лабильными, так как существуют факторы, способные сужать или расширять функциональные возможности, исходно присущие падежным формам данной лексемы (словоформам). К таким факторам относятся лексические переносы (как в рамках регулярной полисемии, так и метафоризации), лексикализация падежных форм и фразеологизация падежных конструкций, семантическая конденсация и эллипсы и т. п., что непременно следует учитывать.

Ввиду тесной зависимости падежного значения и соответственно семантико-функциональных свойств падежной формы от лексико-семантических свойств имени, ввиду наличия синонимических, омонимических, параллельных и дублетных падежных форм, последовательно описанных, например, в монографии о славянском творительном падеже, можно рискнуть предположить, что единицей падежной системы следовало бы признавать не падеж, не падежную форму, но падежную словоформу во всей полноте ее лексических и функциональных особенностей.

А. В. Исаченко

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: С. Б. БЕРНШТЕЙН. ОЧЕРК СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.
М., 1961, 350 СТР. (С КАРТАМИ И УКАЗАТЕЛЯМИ)***

Только что вышедшая книга профессора Московского университета С. Б. Бернштейна «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» (в дальнейшем «Очерк») является крупнейшим событием советской и мировой славистики. Автору удалось в этой книге сочетать проверенные результаты традиционного славяноведения с новыми, оригинальными взглядами на целый ряд общих и частных вопросов, при-

* Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962, № 3. С. 147–154. Текст рецензии дается с сокращениями.

ступить к старой проблематике с позиций современного языкознания (использована литература вплоть до 1958 г.) и создать цельное изложение многогранной проблематики сравнительного изучения славянских языков.

Рецензируемый (первый) выпуск содержит общее «Введение» (9–118) и «Фонетику» (123–305). Нельзя не поблагодарить автора за именную, предметную, топонимический и географический указатели, а также за указатель цитируемых слов. Второй выпуск будет посвящен словообразованию и морфологии, включая те отделы акцентологии, которые тесно связаны с проблематикой слова и его форм.

«Очерк» является обработкой общего курса лекций, читанных автором в течение ряда лет в МГУ. Проф. Бернштейн объединяет в себе качества талантливого педагога, оригинального лингвиста, добросовестного филолога и темпераментного исследователя. Основным достоинством «Очерка» ваш рецензент считает критичность подхода к любому вопросу, отказ автора принимать «на веру» даже, казалось бы, «отстоявшиеся» взгляды, доходчивость изложения и строгая выдержанность общей установки на читателя-студента, которому, в первую очередь, и адресован данный курс. Но вместе с тем «Очерк» является вполне самостоятельным научным трудом, своего рода научным кредо исследователя: необыкновенно широкая проблематика дает автору возможность проверить свою методологию исследователя на богатейшем и при этом разнородном материале.

Проф. Бернштейну чужды приемы упрощения в «дидактических» целях: за таким «упрощением» нередко скрывается неспособность иного автора видеть проблематику во всей ее сложности. Чужды проф. Бернштейну и абстрактно-теоретические рассуждения, голословное «вещание истин», отстаивание точек зрения, почему-либо считающихся «модными», – черты, которые, к сожалению, можно встретить в целом ряде вузовских пособий последних лет. Нельзя не отметить особого суггестивного стиля изложения, связанного, по-видимому, с тем, что автор ни на минуту не теряет контакта с живой аудиторией. Его несколько непринужденный, порой даже «коллоквиальный» стиль выгодно отличается от столь распространенного в отечественной науке косноязычного жаргона и от вычурного вербализма некоторых наших современников. Проф. Бернштейн не относится к тем ученым, которые стремятся (даже перед студентами) во что бы то ни стало показать свою эрудицию, засоряя свое изложение излишними экскурсами. Штудирюя «Очерк», сознаешь, что автор располагает очень богатым материалом, но что он не считает нужным вводить его целиком в аргументацию. Проф. Бернштейн принципиально отказывается от объективистской перестраховки: читателю сообщаются мнения других авторов, но по каждому вопросу

читатель найдет точку зрения и самого автора. К исследовательскому стилю проф. Бернштейна полностью применимы слова покойного А. Мейе: «Наука живет не истинами, а доводами». На фоне многочисленных работ последних лет, построенных по схеме «с одной стороны необходимо признать» – «с другой стороны нельзя не отметить», труд проф. Бернштейна отличается обаятельной научной честностью и готовностью нести полную ответственность за высказываемое.

В рамках настоящей рецензии могут быть затронуты лишь вопросы принципиального характера. Для того чтобы познакомить читателя с множеством частных вопросов, затронутых в книге, потребовалось бы слишком много места.

Автор «Очерка» противопоставляет собственно сравнительное изучение языков сопоставительному, считая, что первое применимо к родственным языкам, а второе – к языкам неродственным. Ваш рецензент не может согласиться с таким суждением компетентности сопоставительного метода в языкознании. Сопоставление возможно и даже необходимо во всех случаях, когда сравниваются языковые системы в синхронном плане, безотносительно к наличию или отсутствию генетических связей сопоставляемых языков. Для слависта, например, сопоставительное изучение славянских языков является весьма привлекательной и многообещающей задачей¹⁸.

Проф. Бернштейн – крупный специалист по болгарскому языку – придает большое значение теории субстрата. Такая установка встречается у целого ряда специалистов по балканским языкам. Ваш рецензент считает, что к теории субстрата можно прибегать лишь в том случае, когда исчерпаны все возможности «имманентного» объяснения того или иного явления. Нет как будто достаточных оснований утверждать, что именно «дославянский субстрат» определил утрату склонения в болгарском и македонском (85). Ведь в древнеболгарском склонение сохранено совершенно последовательно. Падежные формы начинают исчезать лишь сравнительно поздно, в среднеболгарском. Можно ли предполагать, что «дославянский субстрат» (тюркский?) стал проявляться в грамматическом строе болгарского языка лишь несколько столетий после того, как вымерли последние представители славянско-тюркского билингвизма? Что заставляет автора «Очерка» предполагать, что отрицательный в балтийских и славянских языках возник именно «под воздействием неиндоевропейского [финского?] субстрата» (61)? Можно ли, оставаясь на почве фактов, связывать чешскую перегласовку

¹⁸ Ср. А. В. Исаченко. Сопоставительное изучение языков как особая лингвистическая дисциплина. // «Вопросы преподавания русского языка в странах народной демократии». М., 1961. С. 271–282.

(в частности $u > \ddot{u} > i$) с влиянием «кельтского субстрата» на территории Чехии (285)? Ведь последние кельты на этой территории исчезли в V–VI вв., а перегласовку сам автор считает «сравнительно поздним» фактом. Можно ли себе представить, что определенный артикуляционный навык остается как бы «замороженным» на несколько столетий, чтобы «оттаять», когда уже и помина нет о его исконных носителях?

<...>

Прекрасно разработана важная глава о балто-славянских языковых отношениях (§ 8). Не вдаваясь в излишние подробности, автор излагает современное состояние разработки данной проблемы с максимальной критичностью, не переходящей, однако, в нигилистический скептицизм. Трезво интерпретируя хорошо установленные факты, проф. Бернштейн отвергает как теорию балто-славянского «единства», так и гипотезу о вполне независимом развитии обеих языковых групп. Автор вводит понятие «изоглоссной области», т. е. области, охарактеризованной наличием сходных языковых процессов, возникших в результате «конвергентного» развития. Это позволяет ему говорить о балто-славянской «сообщности» (32, 36). Такой подход к данному вопросу без натяжек объясняет поразительное сходство балтийских и славянских языков и одновременно значительные расхождения между ними.

В аргументации проф. Бернштейна процессы конвергентного развития вообще играют важную роль. Взаимоотношения славянских языков не представлены в виде результата прямолинейного и при этом постоянного процесса дифференциации, а скорее в виде последовательных периодов расхождения и сближения. Так, например, автор совершенно справедливо указывает, что по признаку заместительной долготы украинский язык объединен не с восточной, а с западной ветвью славянских языков (41). Но значит ли это, что данная фонетическая мутация зародилась на западославянской территории и затем распространилась на территорию украинского языка, или же возникновение заместительной долготы следует рассматривать как явление, возникшее в результате «внутреннего» развития в зап.-слав. языках и в украинском независимо? На этот вопрос ваш рецензент не находит в «Очерке» удовлетворительного ответа.

Автор с большой последовательностью вносит совершенно необходимую историческую перспективу в развитие праславянского языка. В настоящее время уже невозможно рассматривать эпоху, охватывающую почти два тысячелетия, как единый, нерасчлененный период. «Очерк» является первым обобщающим трудом, в котором последовательно различаются разные пласты «праславящины». В качестве рабочей гипотезы проф. Бернштейн предлагает следующую периодизацию: (1) эпоха до утраты закрытых слогов; (2) эпоха, когда закрытые слоги

утратились (51). Для первого периода автор отрицает наличие какой бы то ни было диалектной дифференциации праславянского языка (42, 52). Трудно себе представить естественный язык, не знающий диалектного членения. О существовании древних лексических изоглосс свидетельствует, например, распределение таких слов, как *время / час, правь / деснь* по славянской территории. Можно было бы привести также изоглоссу *семь / седьмь*, отмеченную Трубецким и Дурново. Принципиальные возражения возможны по вопросу о «верхней границе» праславянского периода. «Праславянский период уходил в прошлое очень медленно... Установить дату завершения праславянского периода в истории славянского языка невозможно (даже в пределах двух столетий)» (51). Факты действительно говорят о том, что праславянский период заканчивается в одних языках раньше, в других позже. Поэтому «верхнюю границу» праславянского периода и не следует связывать с какой-либо исторической датой. Ваш рецензент считает, что праславянский период продолжается до тех пор, пока структурные изменения, возникшие в о д н о м пункте слав. территории, распространяются по в с е й славянской территории, т. е. пока «праславянский язык» остается с у б ъ е к т о м своего развития. Последним структурным изменением, распространившимся с юга по всей славянской территории, является падение слабых еров в конце слова и вокализация сильных еров. При этом несущественно, что рефлекс вокализации оказались различными по языкам. После падения слабых еров в конце слова не было уже ни одного структурного новшества, возникшего в одном пункте славянской территории и распространившегося во всех славянских языках. Это явление и завершает для каждого славянского диалекта эпоху «праславящины». Эти мысли были в свое время высказаны Н. С. Трубецким¹⁹, ваш рецензент должен признаться, что контраргументы проф. Бернштейна его не смогли переубедить.

Используя результаты археологической науки, автор «Очерка» дает наглядную картину постепенного перемещения древнейшей территории, занимаемой носителями праславянского языка. Проф. Бернштейн справедливо отвергает метод локализации славянской «прародины» на основании таких ботанических названий, как *бук, плющ, тис, дуб, бор, сосна*, ссылаясь при этом на факт необыкновенно быстрых сдвигов ботанических зон в Европе (54–58). К сожалению, автору осталась, по-видимому, неизвестной прекрасная работа проф. М. Фасмера (в настоящее время почти недоступная), в которой на основании лингвистического анализа названий русских рек дается весьма убедительная картина

¹⁹ Cp. N. S. Trubetzkoy. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit, Zfsl Phl, 3/3, 1924, стр. 287–319.

последней общей территории славян²⁰. Следует, однако, подчеркнуть, что автор «Очерка» приходит другим путем к выводам, весьма схожим с тезисами, выдвинутыми Фасмером.

В нашей науке давно ведется спор между приверженцами дихотомической классификации славянских языков. Проф. Бернштейн считает, что праславянская теория распалась сперва на две диалектных области: западную (которая легла в основу зап.-слав. языков) и восточную (к которой восходят южно- и восточнославянские языки) (69). Опираясь на предположения археологов, автор считает, что граница между этими диалектными областями проходила по Бугу. Движения отдельных славянских племен на запад и на юг, однако, не прослеживается. А между тем гипотеза «изоглоссных областей» требовала бы уточнения общего направления отдельных миграций. Не отрицаем, что подобная попытка представляет серьезные затруднения. Выше уже говорилось о том, что автор «Очерка» оперирует с возможными вторичными сближениями отдельных славянских диалектов. Таким образом устанавливается «полабско-поморско-восточнославянская изоглоссная область» (на основании схожих судебных группы *telt* (71), «украинско-сербохорватская изоглоссная область» (на основании лексических изоглосс) (73), «словацко-словенская область» (79) и др. Следует сказать, что введение в аргументацию самого понятия «конвергентного развития» своеобразно снимает с исследователя обязанность искать причинные связи между констатируемыми аналогичными явлениями. Почему именно словенский язык влиял на словацкий (в период их вторичного географического сближения в Паннонии до вторжения венгров)? Почему не было обратного влияния словацкого на словенский? Почему в словацкий проникли именно словенские рефлексy группы *ǫt, ǫlt*, а не рефлексy, скажем, «носовых гласных»? Эти вопросы, несомненно, волнуют. Но в рамках общего курса на них, очевидно, нельзя было ответить.

По вопросу о лексических заимствованиях в праславянском языке автор «Очерка» отстаивает единственно научную точку зрения. К сожалению, в ряде пособий наблюдаются антинаучные тенденции во что бы то ни стало «объяснить» совершенно бесспорные германизмы в славянских языках (вплоть до слова *варяг*) из «самобытного» славянского материала. Проф. Бернштейн справедливо осуждает такие тенденции. Можно было бы, правда, указать, что германские языки (в частности, готский) поставляли славянам не только исконно германский лексический материал, а зачастую играли роль посредвателей: элементы сре-

²⁰ *M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Preussische Akademie der Wissenschaften, Vorträge und Schriften, Heft 5, Berlin, 1941, Walter de Gruyter & Co.*

диземноморской культуры (название *осла, верблюда*) были германцами заимствованы из греческого и латинского и попадали к славянам через германский языковой фильтр. Отметим, что германизм *хлѣвъ* (вопреки мнению проф. Бернштейна, 99) хорошо известен в словенском языке, ср. *hlèb* «каравай».

В качестве источников, могущих быть использованными для восстановления целого ряда черт славянского языка дописьменного периода, автор приводит также ряд иностранных (неславянских) источников (§ 17). К сожалению, не указано, что мы располагаем богатейшим материалом, отраженным не только в «памятниках X–XI вв.», но гораздо более древних. Укажем хотя бы на славянские имена в Чивидадском евангелии, на имена дружинников князя Прибины в *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*, на многочисленные записи славянских личных и местных имен в латинских хрониках.

В списке славянских литературных языков приводится, между прочим, и «украинский» язык, применяемый в Югославии (Воеводина) и известный под названием «бачванско-руска бешеда» (111). На самом деле эта «бешеда» – чистейший восточнословацкий диалект (о чем свидетельствуют и приводимые самим автором формы *писал сом, писали зме*), принадлежащий словацким переселенцам-униатам, пользующимся в богослужении церковнославянским языком (с украинским произношением), а в письме – кириллицей²¹. По всей Восточной Словакии униаты (греко-католики) часто назывались «руснаками» (совершенно независимо от их национальной принадлежности), а их вера – «русской». Зато в списках слав. литературных языков следовало включить литературный язык хорватов, живущих в австрийской провинции Бургенланд (хорв. Градиште) на границе Венгрии. В основу этого литературного языка лег чакавский диалект, но в морфологическом и лексическом отношении язык градищанских хорватов отличается от всех вариантов сербохорватского письменного языка, применяемых в Югославии. На языке градищанских хорватов издаются книги и журналы; австрийское школьное управление издает на этом языке учебники²².

Основной частью «Очерка» является отдел, озаглавленный «Фонетика». В отличие от своих предшественников (Вайан, Нахтигал), проф. Бернштейн вводит в научный обиход фонологическую терминологию, хотя и считает, что «современная точка зрения не отбрасывает результатов многолетней работы старых исследователей истории языка» (128).

²¹ Ср. *J. Štolc. Slovenské nářečia v Juhoslaviji, Kultúrny život* 11. 1947, č. 21, 22–24; *Fr. Tichý. Kultúrny život* 11, č. 20.

²² Ср. *A. V. Isačenko. Die kroatischen Enklaven im Burgenland, Slavische Rundschau*, 10, 1938, S. 114–118.

Слов нет, «отбрасывать» накопившиеся знания нет никаких оснований. Однако недостаточно четкое разграничение описательно-фонетических и фонематических критериев неизбежно приводит к определенному рода методологическому «синкретизму». Следует тут же сказать, что методика исторической фонологии, в частности, исторической фонологии славянских языков, разработана пока еще лишь в самых общих чертах. Общепринятых и проверенных положений здесь почти нет. Понятно, что автору вузовского пособия приходится в первую очередь опираться именно на результаты «многолетней работы старых исследователей».

Проблематика истории славянского фонетизма настолько богата, что в рамках настоящей рецензии нет никакой возможности останавливаться на всех интересных и спорных вопросах. Высоко оценивая продуманность целой концепции, логическую последовательность изложения, установления причинной связи между отдельными явлениями, обычно трактующимися изолированно, ваш рецензент считает необходимым высказать по ряду вопросов свои соображения, расходящиеся с мнением автора «Очерка».

В разделе «Фонетика» сказывается славистическая эрудиция проф. Бернштейна. Уже подбор приводимых примеров – в этом отношении есть чему поучиться у А. Мейе – свидетельствует о педагогическом мастерстве автора «Очерка».

Основной действующей силой первого периода праславянского языка проф. Бернштейн (вслед за рядом других авторов) считает «тенденцию к утрате закрытых слогов» (49). «Это была тенденция, которая медленно, но неуклонно подчиняла себе весь строй праславянского языка и вызывала в нем коренные преобразования» (там же). С точки зрения дидактической весьма удобно (и полезно) объединять разнородные процессы, такие, как монофтонгизацию дифтонгов, падение конечных согласных, упрощение консонантических сочетаний, вокализацию сочетаний типа «гласный + n», перестановку плавных, под одним общим понятием «ликвидации открытых слогов». Но справедливо ли говорить о тенденции, т. е. о *н а п р а в л е н и и* какого-либо развития, имея лишь одну точку, один конкретный фонетический процесс? Падение согласных в конце слова фактически сопровождалось возникновением новых открытых слогов в некоторых позициях. Если интерпретировать падение конечных согласных как первое (и пока единственное) проявление общей «тенденции открытых слогов», то причина и следствие меняются местами: новые открытые слоги не возникли в результате падения конечных согласных, а, наоборот, конечные согласные «должны» были отпасть в результате «действия» общей тенденции. В таком случае, несомненно, придется предположить, что в период падения конечных согласных язык уже «предвосхищал» и все дальнейшие фонети-

ческие процессы, в результате которых появились новые открытые слоги в других позициях. Можно ли считать открытость всех слогов идеалом, к которому язык (совершенно бессознательно) стремится? Можно ли считать, что этот «идеал» осуществляется не в языке двух-трех поколений, а на протяжении многих столетий? Постараемся проиллюстрировать теорию подобной языковой телеологии на примере русского языка. Известно, что современный русский язык, в отличие от древнерусского, употребляет в ряде случаев предложные конструкции (Новгородъ / в Новгороде, Киеву / в Киев). Можно ли рассматривать это явление как манифестацию «общей тенденции» к переходу от беспредложья к предложным конструкциям? По-видимому, замену формы *Новгородъ* сочетанием *в Новгороде* можно будет интерпретировать как первое проявление «общей тенденции» лишь тогда, когда в русском языке исчезнут все беспредложные падежи (или хотя бы очень многочисленные и типичные типы их применения). Произойдет ли когда-нибудь в русском языке переход к беспредложному выражению падежей, или не произойдет – пока сказать нельзя. Во всяком случае за последние 150 лет в русском языке появилось много беспредложных конструкций, вместо которых в языке Пушкина употреблялись еще предложные сочетания (*писать другу – писать к другу*). Единственным известным вашему рецензенту языком, не знающим закрытых слогов, является японский. Открытость слога действует здесь как фонологический закон, подчиняющий себе слоговую структуру любого заимствованного слова. Так, слово *фильм*, заимствованное из английского, произносится по-японски *higumi*. Но как обстояло дело в праславянском? Стоило только праславянскому языку достигнуть «идеального» состояния, при котором все слоги оказались открытыми, как это состояние было радикальным образом нарушено: падение слабых еров в конце слова (и в слабой позиции) порождает новые закрытые слоги, аннулируя, так сказать, все «усилия» предшествующих столетий. В этом смысле ваш рецензент не может принять телеологическую точку зрения проф. Бернштейна.

С этой оговоркой процессы, связываемые автором «Очерка» с тенденцией открытых слогов, описаны блестяще. Возникновение протетических звуков *w* и *j* ставится в непосредственную зависимость от падения конечных согласных (устранение новых хиатов) [184–7]. Упрощение ряда сочетаний согласных, монофтонгизация дифтонгов, процессы второй и третьей палатализации – все эти явления трактуются как взаимобусловленные процессы. Таким образом изложение очень сложного и разнородного материала лишается того атомизма, который типичен для обобщающих работ по исторической грамматике.

Некоторые возражения вызывает постулирование долгих согласных в праславянском языке. Автор «Очерка» (вслед за А. Вайаном) считает, что в сочетаниях с *j* согласные удлиннились <...> [168]. Никаких конкретных доказательств в пользу данной гипотезы привести нельзя. Известно, что, например, в современном английском языке, на наших глазах, имеют место переходы групп *tj* > *č* (произношение сочетания *meet you* как [mi: čε]), *dj* > *ž* (*did you* > [di džε]). Переход *sj* > *š* или *zj* > *ž* (*nation* [nasjon] > [naišn]; *measure* > [mežε]) не знает промежуточных стадий с долгим согласным. Все, что нам известно о фонологической типологии языков, доступных непосредственному наблюдателю, говорит в пользу того, что в языке с широко использованными вокалическими корреляциями (а праславянский имел дистинктивное ударение, музыкальную интонацию, долготу) в консонантизме не развиваются количественные корреляции (долгий :: краткий согласный). <...>

Смещение фонетических и фонематических критериев вызывает некоторые недоразумения в трактовке звуков [ъ] и [ь]: «Наряду с долгими и краткими гласными появились еще с в е р х к р а т к и е . Это, однако, не затронуло фонематических отношений, так как в этот период краткие гласные и гласные сверхкраткие функционально не различались» (178). Но если краткие и «сверхкраткие» не различались, то это значит, что «сверхкратких» в языке просто «не было». Талантливейший сербский фонетист Кошутич «слышал» в русском языке музыкальные ударения, подобные сербским. Но раз в русском языке («объективно существующие») музыкальные ударения функционально не использованы, то они в системе русского языка «не существуют». Трудно доказать, что звуки [ъ] и [ь] были «объективно» короче звуков [о] и [е]. Но даже если и существовало здесь фонетическое различие в количестве, то оно было избыточным: [ъ], [ь] отличались от [о], [е] (а также от [у], [і]) не количественно, а качественно.

Стремясь объяснить падение начальных согласных в таких сочетаниях, как *ps* (ср. **orpsa* > *osa*), проф. Бернштейн прибегает к гипотезе перемещения слогораздела: *op/sa* > *o/psa* [187]. В данном случае мы снова встречаемся с попыткой интерпретировать следствие определенного процесса (т. е. появление открытых слогов в результате упрощения групп согласных) как его причину: «в связи с изменением слогораздела возникли сочетания, которых язык не терпел» (187; разрядка *А. И.*). В современном языкознании проблематика слога остается нерешенной. Наличие в языке единицы, называемой слогом, не подлежит, разумеется, никакому сомнению, так как в любом отрезке речи можно без труда установить количество таких единиц. Гораздо труднее установить объективные законы, регулирующие границы между слогами даже в отлично разработанных языках, поддающихся инстру-

ментальному обследованию и любому другому прямому наблюдению. Тем более проблематична попытка установить границу слога (не говоря уже о спонтанном перемещении такой границы) в языках, не поддающихся непосредственному наблюдению, т. е. в языках реконструируемых. Ведь переход *orsa* > *osa* может быть истолкован и по-другому: сочетания типа *ps* были упрощены ($[ps] > [s]$), в результате чего возникли новые открытые слоги, т.е. произошло смещение слогораздела. Упрощение групп согласных независимо от перемещения слогораздела хорошо известно в ряде языков, ср. серб. *оца* < *отца*. Ваш рецензент считает, что и в данном случае не следует прибегать к сложным «фонетическим» объяснениям. Утверждение, будто здесь «возникли новые, очень сложные в акустико-артикуляционном отношении звуки типа $[ps]$, $[bn]$, $[dm]$ » (188), недоказуемо. Вашему рецензенту не известен ни один естественный язык с подобными «сложными» звуками.

Говоря о новом *i* из *oi*, *ei*, проф. Бернштейн утверждает, что «в фонетическом отношении старый и новый $[i]$ не различались. Они оба были долгими» (198). Но «в фонетическом отношении их следует различать. Старый $[i]$ был долгим, новый $[i]$ не имел фонематической долготы» (там же). Но приводимые самим же автором примеры говорят о другом: новый $[i]$ мог иметь долгую восходящую интонацию (акут), ср. чешск. *síto* < *sěito*, и, следовательно, был долгим именно в фонематическом отношении.

В разделе, посвященном трактовке сочетаний типа *op*, *en*, проф. Бернштейн придерживается традиционного изложения. Сочетания типа *op*, *en* «вокализуются» в носовые гласные $[\delta]$, $[\epsilon]$ (французского типа) в результате неумолимой тенденции открытых слогов: «д о л ж н ы были монофтонгизироваться дифтонгические сочетания на *n*» (204). Однако существование носовых гласных монофтонгов не доказано ни в праславянском, ни в старославянском, ни в древнерусском. Обратимся к фактам. Глаголическое письмо передает слова, восходящие к псл. *ropka*, *menso* п я т ь ю буквами: *roNka*, *meNso*, причем особый знак, замененный здесь буквой *N*, встречается только после гласных в тех позициях, в которых кириллическое письмо имеет буквы **Ѣ**, **Ѧ**, **ѧ**.

Этот знак *N*, является, по мнению Трубецкого, графическим эквивалентом носового согласного без устойчивого места артикуляции. В польском языке и, прибавим, в словенском, перед задним «носовым» в начале слова появляется *v-*, ср. польск. *wałc* 'уц', *węgiel* 'угол', *węzel* 'узел', *węgiel* 'уголь', *wązki* 'узкий'; словен. *vôgel* 'угол', *vózel* 'узел', *vôgel* 'уголь' и др. Якобсон объяснял эту проблему тем, что в лехитских говорах псл. языка и в болгарском сочетания, соответствовавшие сочетаниям других славянских языков типа *op*, *en*, были представлены сочетаниями *ъp*, *ьp*. Как известно, *ъ-* в начале слова принимает *v-*протезу, ср.

стсл. *въз-ѣпѣти*, но без приставки *в-ѣпѣти* 'вопить'. В тех славянских языках, в которых существовали сочетания типа *op*, *ep* (т. е. в которых вокалический элемент был представлен гласными полного образования), была осуществлена деназализация групп *op*, *ep*: фонема *n* отпала, остались оральные гласные. В других славянских языках (в частности, в лехитских и болгарском), где существовали группы *ъn*, *ьn*, носовой элемент был сильнее. В этих языках и сохранились сочетания типа «гласный+носовой согласный», ср. польск. *daɓ* [domp], *kaɓ* [kont], *reɓka* [reɓka]. Как известно, носовые г л а с н ы е представлены в польском языке только в некоторых позициях: перед спирантами, напр., *geś* [gěś] «гусь», *waż* [võš] «змея», а также в конце слова. Во всех остальных позициях имеются сочетания «гласный+носовой согласный» типа [om], [on], [oŋ]. Если признать вместе с проф. Бернштейном, что во всех славянских диалектах *op*, *ep* монофтонгизировались, то существование польских форм типа *domp*, *kont*, *reɓka* приходится поневоле объяснять вторичным «разложением носовых» (299), т. е. постулировать переход $\delta > om$, on , $oŋ$. Подобные случаи «разложения» носовых монофтонгов вашему рецензенту неизвестны из других языков²³. Да и нужно ли прибегать к столь сложному объяснению двух последовательных процессов: (1) $op > \delta$; (2) $\delta > on$? Не проще ли считать, что во всех славянских диалектах сохранились сочетания типа *op*, *ep*? О существовании именно таких дифтонгических сочетаний (а не носовых монофтонгов) говорят славянские заимствования в греческом, румынском, немецком, венгерском, финском, литовском, латышском языках. В «Очерке», к сожалению, не упоминается существование монофтонгов (французского типа), прекрасно представленных в словенских диалектах Подъюнья (Австрия), например *gōka* «рука», *rāta* «пятка». Судьбы носовых в этих говорах не являются просто фонетическим курьезом, а заслуживают полного внимания слависта.

Вопрос перестановки (метатеза), волновавший целые поколения ученых, не решен до конца в рецензируемой книге. В этом, конечно, нельзя упрекать автора. Необоснованным нам представляется постулирование для одних праславянских диалектов сочетаний типа *ag*, *eg*, а для других сочетаний типа *og*, *eg* с д о л г и м сонантом п о с л е гласного (218). На бумаге можно, конечно, изобразить любое сочетание фонем, но в реальном языке подобное сочетание представляется более чем гипотетичным.

Ваш рецензент не вполне улавливает мысль автора там, где типичные старославянские написания **аньдрѣи**, **олѣтарь**, **пѣсалѣмъ** с

²³ Ср. *A. V. Isatchenko. Les parlers slovènes du Podjunje en Carinthie, RESI 15, 1935. 53–63; 16, 1936, 45–57.*

«вставными» ь, ь объясняются «психологией писцов» (224). Ведь если считать тенденцию открытых слогов универсальной движущей силой славянского фонетизма, то необходимо будет признать, что и македонские славяне не могли произносить закрытых слогов: сочетания гласных типа *-ндр-*, *-лт-*, *-нс-*, *-лм-* были непривычны в славянском языке. Так объясняется появление «вставных» еров, отражающее живое произношение. Аналогичные случаи хорошо известны и в ряде других языков, ср. сербохорв. *франак* «франк» с «вставным» *a*.

В предыдущих абзацах мы почти не касались вопросов праславянской просодии (долготы гласных, интонации, ударения). Ваш рецензент считает, что изложение этой сложнейшей главы славянской фонетики выиграло бы, если бы автор «Очерка» в виде исключения объединил все параграфы, посвященные просодии, в одну главу. Студенту будет трудно ориентироваться в разрозненных высказываниях, помещенных в книге в хронологическом порядке.

В рамках настоящей рецензии трудно по существу проанализировать взгляды проф. Бернштейна на праславянскую интонацию. Поэтому мы должны довольствоваться лишь немногими замечаниями.

О природе праславянской интонации мы можем судить лишь косвенно. Вот почему мы лишены возможности высказываться о ее фонетической природе. Нет оснований утверждать вместе с Трубецким²⁴, что циркумфлекс имел «две вершины» и что он был «более длительным», чем акут [41]. Эти признаки не могут быть объективно восстановлены; если они существовали, то фонологической роли не играли. Единственно, что можно на основании материала считать бесспорным, это наличие фонологического противопоставления двух интонаций, условно называемых акутом и циркумфлексом.

Приверженцы младограмматической школы считали, что каждый слог обладал в праславянском своей автономной интонацией (так сказать, *naturā*). Того же мнения придерживается, по-видимому, и автор «Очерка» [234]. Однако после работ Куриловича необходимо пересмотреть точку зрения младограмматиков. Совершенно естественно, что в предиктовых слогах интонация была (так сказать, *positiōne*) восходящей, но это обстоятельство не проявлялось в языке функционально: два слова не могли различаться только по природе интонации предиктовых слогов. Появление нового акута в результате рецессии икта позволяет с достаточной надежностью восстановить фонетический характер предиктовой интонации: исконно предударный слог становится в филоло-

²⁴ N. S. Trubetzkoy. Zum urslavischen Intonationssystem, Streitberg-Festgabe, Leipzig, 1924, 359–366. Его же, La valeur primitive des intonations du slave commun, RESI 1, 1921, стр. 171–187.

гическом отношении восходящим (bobъ > bóbъ), т.е. фонетический характер этого слога фонологизируется. Ваш рецензент имел возможность наблюдать возникновение «нового акута» в результате рецессии икта в некоторых словенских диалектах²⁵.

Автор «Очерка» относит возникновение «нового циркумфлекса» к «очень старой эпохе» [235], не приводя, однако, аргументов против позиции Лер-Сплавинского, Ван-Вейка и др., считавших появление нового циркумфлекса явлением сравнительно поздним.

В «Очерке» вопросы метатоний изложены слишком скупо. Не упоминаются важные просодические явления (оттяжки ударений), вошедшие в науку под названием закона Фортунатова – де Соссюра и закона Шахматова. Приходится надеяться, что это процессы будут подробно изложены во втором выпуске.

В заключение ваш рецензент считает своим долгом от имени читателей поблагодарить проф. Бернштейна за его труд, который уже нашел свое видное место среди произведений современной славистической литературы.

С. С. Скорвид

ПОЗДНЕПРАСЛАВЯНСКОЕ ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой попытку продолжения и – в некотором смысле – развития воззрений и идей проф. С. Б. Бернштейна, изложенных им в книге «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961), каковая и поныне остается основным учебным пособием по данной дисциплине не только для студентов-славистов, но также для русистов дневного и вечернего отделений филологического факультета МГУ. Вместе с тем соответствующий курс, по-прежнему читаемый в целом в русле традиционного сравнительно-исторического подхода, за десятилетия, прошедшие со времени издания «Очерка», претерпел некоторые изменения. Это было мотивировано, с одной стороны, переориентацией общего процесса преподавания славянских языков на филологическом факультете в большей степени на изучение их современного состояния, сопровождавшейся корректированием учебных планов, а с другой – развитием науки: открытием ряда неизвестных ранее фактов, появлением новых гипотез и даже целых научных направлений. Ввиду всего сказанного теперь уже невозможно так подробно, как это делал в «Очерке» и в своих лекциях С. Б. Бернштейн, освещать в рамках курса сравнительной грамматики проблемы истории пра-

²⁵ *A. V. Isačenko. Narečje vas. Sele na Rožu, Ljubljana, 1939, 18 сл.*

славянского языка. В этом курсе (особенно на русском отделении, где он рассчитан всего на один семестр) приходится – следуя не букве, но духу книги его основоположника на филологическом факультете – ограничиваться лишь важнейшими фрагментами праславянской истории и сосредоточиваться в первую очередь на позднепраславянских явлениях и диалектных чертах, возникавших в связи с ними, что имеет принципиальное значение для познания соотношения славянских языков как в диахронии, так и в синхронии.

С. Б. Бернштейн в своей книге уделяет много внимания позднепраславянскому диалектному членению. Основные сведения о нем, в «Очерке» распределенные по различным параграфам, автор данной работы, учитывая и некоторые новые представления, попытался собрать воедино и кратко обозреть их прежде всего в интересах практического преподавания студентам.

В приложении даются краткие отрывки из художественных произведений на славянских языках (кроме русского), на примере которых в ходе семинарских занятий можно познакомить студентов с современным отражением праславянских диалектных особенностей.

Распространение праславянского языка на значительной по своей протяженности территории от Днестра до Одры (Одера) к середине первого тысячелетия до н. э. обусловило возникновение существенных различий между его диалектами.

В бассейне Днестра формируется восточнославянская диалектная область (восточный макродиалект, объединяющий позднейшие собственно восточные и южные диалекты), а в бассейне Вислы с границей по Западному Бугу на востоке и Одры (Одере) на западе, с выходами к верхнему течению Лабы (Эльбы), а также к Дунаю на юге, – западнославянская диалектная область (западный макродиалект).

Восточный и западный макродиалекты отличались друг от друга главным образом неодинаковыми последствиями некоторых позднепраславянских звуковых изменений:

– сочетания **tl*, **dl* на востоке переживали утрату взрывного элемента при его сохранении на западе (рус., укр., болг., с-х. *плели* /мн. ч./, *шило* – пол., чеш. *pletli* /мн. ч./, пол. *szydło*, чеш. *šídlo*);

– задненебный **x* по 2-й палатализации, т. е. перед **ě* и **i* из **oi*, изменялся на востоке в свистящий **s*, а на западе, как при 1-й палатализации, в шипящий **š* (рус. *серый*, с-х. *монаси* /им. п. мн. ч./ – пол. *szary*, чеш. *šerý*, *mníši* /им. п. мн. ч./); те же отличия обнаруживает изменение **x* по 3-й палатализации, в первую очередь в морфеме **vъx-* (рус. *весь*, *всякий*, болг. *всеки*, с-х. *сваки* – пол. *wszak*, чеш. *však* 'все же, однако');

– в сочетаниях *kv, *gv перед *ě из *oi, а иногда и перед другим гласным переднего образования, заднеязычные согласные на востоке изменялись, как по 2-й палатализации, соответственно в *c', *dz' (> z'), а на западе сохранялись (рус. *цвет, звезда*, болг. *цвет, звезда*, макед. *svезда* – пол. *kwiat, gwiazda*, чеш. *květ, hvězda*);

– сочетания губных согласных с *j на стыке морфем на востоке изменялись в сочетания с l' (в болгарско-македонских диалектах, возможно, непоследовательно), на западе же (а также в болгарско-македонских диалектах) l' после губных не получил развития (рус. *земля*, с-х. *земља* – пол. *ziemia*, чеш. *země*, болг. *земя*, макед. *земја*);

– сочетания *tj, *kt (перед *i, *e, *ь) и *dj изменялись на востоке в шипящие согласные (которые далее претерпевали неодинаковые преобразования в южных диалектах), а на западе в свистящие *c', *dz' (рус. *свеча, ночь, чужой* – пол. *świeca, noc, cudzy*, чеш. *svíce, noc, cizí*).

Внутри восточного макродиалекта выделились две группы диалектов: собственно восточные, или северо-восточные, и южные, окончательно обособившиеся лишь после заселения их носителями территории от Балкан до Альп к середине первого тысячелетия н. э.

Южная группа, далее, подразделилась на две ветви: будущую болгарско-македонскую и сербско-хорватско-словенскую, которые отличались, в частности, конечными последствиями изменения сочетаний губных согласных с *j и сочетаний *dj, *tj и *kt перед *i, *e, *ь (ст.-сл. **штюждь, ноштъ**, болг. *чужд, ноц*, макед. *туј, ноќ* при *сношти* 'вчера вечером', с-х. *туђ, ноћ*, словен. *tuj, noč*) и по ряду других особенностей.

На разных этапах развития имели место контакты отдельных диалектов южной группы либо всей этой группы с той или иной частью западного макродиалекта, внутри которого вычленились чешско-словацкая и лехитская подгруппы с промежуточной серболужицкой областью. Так, существуют особенности, объединяющие:

– болгарско-македонские диалекты со всеми западными (отсутствие l' после губных согласных на месте их исконных сочетаний с *j – при ст.-сл. **земля / земља**);

– словенские диалекты с большей частью западных (сохранение сочетаний *tl, *dl – словен. лит. *pletel, pletli*, диал. *šidlo*);

– болгарско-македонские диалекты с лехитскими (гласный нижнего подъема на месте «ять») – макед. диал. *vāra*, болг. *вяра*, пол. *wiara*);

– болгарско-македонские и словенские диалекты с лехитскими (отсутствие изменений носовых гласных *ę > ā, *ρ > u, характерных для остальных диалектов, ср. рус. *мясо, рука* – но болг. *месо, ръка*, макед. *рака*, диал. *рѣнка*, словен. *meso, roka*, диал. *ranka*, пол. *mięso, ręka* наряду с *rączka* 'ручка');

– (средне)словацкие диалекты с южными и восточными (ср.-слц. диал. *šilo, na strese* 'на крыше', лит. *mnísi* /им. п. мн. ч./ с изменением *x в *s' по 2-й палатализации) и только с южными (изменение сочетаний типа *ort, *olt в *rat, *lat в любой позиции, как в южных диалектах, в отличие от западных и восточных, в которых в морфемах, не несущих постоянного ударения, те же сочетания изменялись в *rot, *lot, ср. слц. *rást, lakeť*, с-х. *pacm, lakam* – чеш. *růst, loket*, пол. *wzrost, łokieć*, рус. *рост, локоть*);

– чешско-словацкий диалектный массив с южным (изменение сочетаний типа *tort, *tolt, *tert, *telt в *trat, *tlat, *tr~~ft~~, *tl~~ft~~ в отличие от *trot, *tlot, *tret, *tlet в лехитской и серболужицкой области и так наз. полногласия у восточных славян, ср. с-х., болг. *страна, злато*, с-х. *бреме /бръеме/*, болг. *мяко*; чеш., слц. *strana, zlato*, чеш. *břímě*, слц. *mlieko* – но пол., в.- и н.-луж. *strona, zloto*, пол. *brzemie*, в.- и н.-луж. *mloko* с изменением e в o перед твердым согласным, рус. *сторона, золото, беремен-/ная/, молоко*).

Результаты изменения сочетаний типа *ort, *olt и *tort, *tolt, *tert, *telt запечатлели как обособление южных диалектов и контакты с ними части либо всего чешско-словацкого диалектного массива, так и начавшийся в тот период процесс сближения западных либо северо-западных диалектов с восточными (во втором случае в северо-западной области первоначально также образовывались сочетания, аналогичные полногласию, ср. в.-луж. тип *trjebić*, где отсутствие изменения tr' > tr̄ предполагает продолжительное сохранение перед сонантом r вокального элемента, как и в рус. *теребить*).

Примерно то же противостояние праславянских диалектов обнаруживают изоглоссы, связанные с рефлексацией сочетаний редуцированных с плавными сонантами типа *t̄rt, *t̄lt или *t̄rt, *t̄lt. Группы с непередним и передним сверхкратким отражались совершенно одинаково в диалектах южной зоны, к которым в отношении сочетаний *t̄lt и *t̄lt присоединяются среднесловацкие, а в отношении *t̄rt и *t̄rt почти весь чешско-словацкий массив (кроме восточнословацкого ареала), и напротив, по-разному – хотя у типа *t̄lt вопреки *t̄lt лишь в отдельных позициях, да и то не повсеместно – в остальных западнославянских и в восточнославянских диалектах (ср. болг. *дълг, вълк*, с-х. *дуг, вук*, слц. *dłh, vłk* – чеш. *dłuh, vłk*, пол. *dług, wilk* /но кашубск. *wółk*/, рус. *долг, волк* /при *желчь* и т.п./; болг. *гърб, връх*, с-х. *грба, врх*, слц., чеш. *hrb, vrch* – пол. *garb, wierzch*, рус. *горб, верх* /до XVIII в. лит. *верьхь*/).

Кроме этих черт сходства восточных диалектов с западными, их северной частью либо даже только с крайней северо-западной периферией данного массива (ср., подобно рус. *волк* и кашубск. *wółk*, также рус. *молоть* и кашубск. *młoc* вопреки пол. *mleć*), совпадение с состояни-

ем в западной группе отражают некоторые архаизмы восточного ареала, концентрирующиеся в особенности в псковско-новгородской зоне (сохранение сочетаний взрывного согласного с *l* на месте **tl* и **dl* при их замене на *kl* и *gl*, как в пол. и кашубск. диалектах; сохранение **kv* и **gv* перед **ě* из **oi*, в псковско-новгородской зоне связанное, однако, с отсутствием 2-й палатализации заднебных согласных также в других случаях, и т. д.).

К специфически восточнославянским особенностям, помимо конечных итогов изменения сочетаний типа **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* и **tьrt*, **tьlt*, **tьrt*, **tьlt*, а также сочетаний **dj*, **tj* и **kt* перед гласными переднего образования (при своеобразных заменах **dj*, **tj* в псковско-новгородской области, ср. отсюда рус. лит. *пугать* в отличие от общерус. диал. *пужать*), относится, например, концентрация в восточных диалектах морфем с изменением начального **/j/e-* в **o-* (ср. рус. *один* и пол., чеш., слц. *jeden*, с-х. *jedan*, болг. *един*).

В период обособления южных диалектов и сближения восточных с западными (или северной их частью) возникли и основные праславянские морфологические диалектизмы: например, формы род. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч. имен и местоимений из склонения на **ja-* с флексией **-ę* в южной и **-ě* в западной и восточной группах, сохранение в форме тв. п. ед. ч. имен и местоимений из склонения на **o-* флексии **-омь* в южной и ее замена на **-ьть* в западной и восточной группах и т. д. Первоначальную же связь южных и восточных диалектов отражают лишь некоторые изоглоссы более локального характера, напр., укр., с-х., словен. и слц. диал. флексия *-то* в формах 1 л. мн. ч. н. в. глаголов и другие особенности.

ТЕКСТЫ

Украинский язык

Закоханий у Київ, я блукаю по зелених, кучерявих, шепотливих його вулицях. Милий, тихий, задумливий красунь! Каштани обсіпають рудавим цвітом дахи вагонів трамвая. Нема ніде такого життя в лініях вулиць, як у нього. Ніде нема такої ласкавої чепурності, природної охайності, грайливості! Він подібний до якогось великого гарного звіра, який бо-зна коли слідкує за собою.

От заходить сонце за Кадетською Рощею й ще горять хрести Андрієвської церкви, Володимирського собору і блискають червоним, металічним відблиском вікна високих кам'яниць на горах. Внизу, в подібних до веселок алеях-вулицях, засаджених каштанами, тополями, акаціями, ніжна, тепла наша південна тінь. За палісадниками з розчинених вікон якоесь особливо, хвилююче, закликаюче чується сміх і музика.

Біля дверей бакалейних крамничок, які через щось у Києві люблять підвали, неодмінно, шовечора збирається клуб: дворники, поліцаї, покоївки. З дверей крамничок потягає холодком підвалу, политою підлогою, таранею, свіжими овочами.

А на Дніпрі в цей час ледве посуваються вгору до Чорторою човни. З човнів тягнуться до міста нитки пісень. З міста, з царського саду, їм відповідає музика. Десь дзвонять у церкві. Як гудіння джмеля втискується гудок пароходу. Часто, завзято видзвякує такт трамвай.

Я ходжу помалу, смакуючи кожний крок, кожний поворот вулиці, кожну свічку на каштані. В мені панує блаженний спокій.

(Володимир Винниченко)

Белорусский язык

Цэлы гай старасвецкіх дубоў раскінуўся на беразе Нёмана... Такіх дубоў цяпер рэдка дзе ўбачыш. Іх не чапіла рука людская, толькі даўныя часы палажылі свой след.

У леце пачыналася ўжо тая ледзь значная змена, той паварот часу, калі жыццё прыроды ідзе на спад. Скошаны луг і паскладаныя курганамі стагі, парыжэлыя ад дажджоў і сонца, ужо гаварылі аб гэтым паміранні. Буслы збіраліся ў чароды і доўга стаялі на грудях або ляніва аглядалі лагчыны. Але было прыметна, што не на пажыву пазбіраліся яны сюды, а для нейкай іншай справы. Пастаяўшы, павольна, адзін за адным, узнімаліся яны ўгару, кружыліся там, і кожны круг падымаў іх усё вышэй і вышэй. Там яны спляталіся ў адну фігуру, у адзін шырокі круг, і, не махаючы крыллямі, плаўна і згодна, як па камандзе, насіліся ў неаглядным прасторы сініх небесаў...

Асірацелыя старыя дубы ў чорных шапках бусліных гнёздаў спакойна стаялі, не варушачы ніводным лістам, і купалі ў сонцы свае адвечныя лапы.

(Якуб Колас)

Болгарский язык

Питаш ме как се казвам... Благодаря ти, благодаря! Аз една година вече съм в тоя град, всеки ден, кажи-речи, сядам на тая пейка и досега никои не ме е попитал как се викам. Амма никои! Ти си първият и затова ти благодаря. Да си жив и здрав и на мойто положение – дай си, Боже! – никога да не дохождаш.

Да съм гладен и жаден – не! Ако ме гледаш отвънка – всичко ми е пълно и равно. Дъщеря ми – женена, живее си в село, детето и здраво, мъжът и председател, синът ми е в министерството, дето се вика, първият помощник, инженер с диплома като чаршаф, с автомобил го вземат и връщат. Жена му – докторица на заплата, къпят се в порцеланово корито.

Яденето ми – ядене, креватът ми – креват, сам в стая и пак съм зле, зле и зле, та няма накъде! Ударил съм назад, отмалявам и се стопявам... Не ми се яде, не мога да заспя и все ми се въртят разни шашави работи в акъла, а пък няма на кого да кажа. Кажа ли – изнамират ме за шашав и за луд.

(Николай Хайтов)

Македонски јазик

Целото село се собра пред црквата и уште пред изгревот на сонцето биеја тапаните и пиштеа зурлите. Го свиреа «Тешкото». Таков е обичајот кога се испраќаат печалбари. При разделбата не треба да има солзи. Не, низ песната се плаче, се раскажува и се пожелува најубаво.

Зурлите улаво пиштеа, а тапаните биеја одмерено и тапо. Секој удар одсиваше болно во срцето на тие мажи и татковци, браќа и пријатели што одеа во далечни земји.

Срцето им се кинеше, не им се оставаше родното огниште. Не можеа да се разделат. Солзи им идеа на очи. Но, нели се пушти мажи – треба да молчат и да ги кријат ранетите срца. Гладот, немаштијата и ограбената земја од туѓи и домашни сајбии како остен ги дупеа и ги гонеа во туѓина. Мажите го играа «Тешкото», држејќи се здраво за раменици, без насмевка, речиси намуртени.

Жените, децата и старите – тие што не можеа да одат на печалба – стоеја наоколу како скаменети, без да прозборат збор и секој гледаше, го впиваше погледот во својот сакан човек, кој, по малку време, ќе ги остави, можеби, засекогаш!

(Иван Точко)

Србохорватски јазик (србски вариант)

Фра-Брне бјеше свом главом мањи од брата, али кад би Кушмељ обријао брке, па му се надули образи, шија, трбух, и – сапи, био би исти фра-Брне.

– Бижмо у кућу, е помете! – рече духовник, па дода с прага: – Ваљен Исус!

– Вазда Исус и Марија – прихватише Кушмељ и Осињача. Она збуњена стаде се мувати по кући, не знајући шта ће.

– Па како, како? – пита дујо.

– Вала Богу и присветој Дивици, није зла! Јево, глади није, а болести није, па се животари, – вели кнез Кушмељ.

– Деде, невесто, метни мало сукна на столицу! – рече фра-Брне.

Осињача прострије «кличано» ракно.

– Та-ко! – рече фратар. – Сад ми изуј чизме и метни ми кладу под ноге! Та-ко! Е, сад запали свићу!

У свакој католичкој кући налази се по једна воштаница освећена на Срећење (на Канделору) , а чува се у кући за употребу самртницима. Осињача се прекрсти и прошапута:

– Опрости, боже и мајко канделорице! – па запали свијећу и усади је у чашу жита.

(Симо Матавуљ)

Сербохорватски јазык (хорватски вариант)

Мој бабо сједаше уз ватру мрк. Само који пут изишао би да послуша и брзо се вратио тресући с кabanice снјег. Спасоје подалје на рањну вртио овна, а и над ватром кљуцао котлић пун суhog mesa. Не говорaху међу собом, а мени још мање, те наслућивах да се има нешто догодити. Врло сам се бојао тога тежког очекивања и мûка, али не смједох да их што питам.

Дуго смо тако сједили, и већ ме почео хватати дријем, кадли netko у далјини подмукло звизне, а мој бабо зграби главњу с огњишта и на вратима млина нјоме завитла. Шћућурим се и станем очекивати.

Испод мене тутњила вода, а кроз отворена врата сипао снјег све до огњишта. Led ме hvatao, а не htjedох замотати се нека болје видим и чујем што се догађа.

(Динко Шимунович)

Словенски јазык

Vseokoli тебе је на тисоие тујих живljenj, ki jih не познаш in jim nikoli не одgrneš brezdanjih skrivnosti. Le otrok jih sluti, od tod njegova plašljivost.

Vsak zvok, ki га slišiš, је zvok од onstran. Beseda prijateljeva је mrtev napis на hiši, ki ji nikoli не бош prestopil praga. Jaz in ti – poljubujta се, али се davita – dvoje svetov; ubijeta се lahko, razbijeta на črepinje drug об drugem – не bosta si razodela, kdo да sta... Butaj об sosedа, kdorkoli је, nepremičen kamen, bežna misel, drevo, žival, али človek; zdrobiš се, али га zdrobiš, spoznal го не бош.

Neutolaženo in neutolažljivo hlepenje по spoznanju муšice, ki ti је била sedla на plešo, in по spoznanju Boga, ki те ziblje на длани, то је tvoје trpljenje од заčetka до konca, то је tvoj boj, vsebina in pomen vseга tvoјega nehanja.

(Иван Цанкар)

Чешки јазык

Letní noc daleko v polích; је темná, teplá а tichá. Po široširu kol nikde ani střechy obydlí lidského, ani rudého světla. Všude táhlé obilné lány; моře klasů, pozvolna stoupajíc, zaniká ve stínu pod hustými lesy, jež там на konci, kam oko dozírá, се černají а mlčí.

Křástal ozval се hlubokým tichem kdesi на zarostlém palouku mezi obilím. Ale již umlkl, jako by jej veliké širé ticho zarazilo. Vzduch čistý pln

je lahodné vůně z obilí a mateřídoušky. Letní noc daleko v polích, temná, teplá a tichá.

Na nebi ve tmavu zamihlo se slabě, třesavě, jako na zachmuřené, pohnuté tváři, pak žlutavě zasvitlo na obzoru – a nad světlostí tou zjevily se černomodravé, měkce vlnité mraky, blýskavice svit zašlehl zářivým sloupem vysoko, skoro až k vrcholu nebes, a zasmušilá jejich tvář zarděla se ruměncem.

Projasnělý obilí lán zjevil se v růžovém zásvitu, klas na klasu do ne-sčíslna, a les v tom neobyčejném světle byl bez hrůzy – ale tajemný, jako z pohádky... A jak rudý ten zášleh doplanul, hloub země si stáhla tmavý svůj závoj, a vládlo zase temno a ticho.

(Алоис Ирасек)

Словацкий язык

Odchádzam z rodného domu. Tu stojím na vrchu Temrave, pod ním sa pasie zhrbený dom mojej matere...

Vám patrí môj pozdrav, vy hmlisté diaľky Zeme! Vidím cestu, ktorá z tohto vrchu v neznáme krajiny vedie. A cítim veľké vaše šumenie... Trávička mäkká, kvet fialový vône slobody pozdravuje vás mojimi ústy. Pozdravuje vás spev voľných vtákov na hučiacom úsvite.

Keď slnce miznúť bude a červené kvety západu preplavia sa nebom a zemou, vtedy ma uvidíte kráčať po ceste ďalej. Dožičte mi stretnúť sa s Poznaním, lebo Poznanie hľadať idem.

A keby som nebol hoden svojho cieľa, nech ma zmetie jarný prívál ble-skom haditým.

Obzerám sa, pohľadom sa lúčim s rodičovským domom. Dvíham svoju lieskovú palicu a idem smerom slnca západu.

Tam dolu v dome moja starušká matka ostala.

(Людो Ондрейов)

Польский язык

Przez otwarte wrota na dziedziniec wszedł wędrowiec i rzekł do niewiasty stojącej u progu:

– Pokój tej cichej chacie, tym drzewom, zbożom i okolicy całej, i tobie, matko!

Ona, powitawszy go gościnnie, rzekła:

– Chleba i mleka przyniosę ci, wędrowcze, a tymczasem siądź i odpoc-znij, bo widać, że z dalekiej wracasz podróży.

– Jako ów bocian i jako jaskółka wędrowałem; wracam z daleka i od dzieci ci twoich wieść przynoszę.

Matce dusza cała zbiegła do oczu i zaraz spytała wędrowca:

– Czy wiesz co o synu moim, Jašku?

– Czy ci on najmilszy, że o niego pytasz najpierwej? Oto jeden twój syn w puszczech z siekierą pracuje i w jeziora sieć zapuszcza; drugi konie na stepie pasie, pieśni tęskne zawodzi i w gwiazdy patrzy; trzeci po górach się wspina, na turniach i halach z owcami noc spędza, w orłów krakania się wsluchuje. Do kolan się wszyscy twoich chylą i pozdrowienia ci przesyiają...

– A Jaśko? -pytała z troską na twarzy.

– Wieść smutną chowam na ostatek. Żle się Jaškowi wiedzie: rola plonu mu nie daje, bieda i głód dokuczają, w niedoli płyną mu dni i miesiące. Wśród obcych i nędzy mowy twej nawet zapomina – więc i ty o nim, bo już nie twój ... zapomnij!

(Генрик Сенкевич)

Верхнелужицкий язык

Bože slončko běše hižo dawno w domčk za módrojte hory; miła nóc je ze swojimaj křidłomaj mučnu zemju wodžěła. Bóh wjeršny pak je swój njebjeski trón z wulkim, jasnomódrym tepichom přikrył, kotryž so blyšći w blyšču milionow mikatych hwězdow, wjetšich a mjeńšich, kotryž so krasni wot ranja hač k wječoru, wot połdnja hač k połnocy – wulki to wotblyšč wulkeho knjeza. Zdaloka slěbropasny měšač na njebjeske hona wustupuje, swój cuni blyšč, swoje miłe swětło wusywjajo na ćichu, měra łączu zemju. – Změrom, scicha je tež po cyłym Lipsku. Wšitkim je bóh luby knjez sparne wóčko z miłej ruku zandželił: strowemu, zo by na nowe džěło nowych mocow nabył, choremu, zo by pozabył svojich bolosćow, wjesoľemu, zo by znowa posylnjeny swojeho zboža a swojeho wjesela na prawe wašnje a w prawej měrje wužiwać móhł, zrudnemu, zo by jeho žarowatu wutrobu z rjanym sónčkom rozwjeselił, wšěm – chiba jednemu nic.

(Якуб Барт-Чишинский)

Последние публикации трудов С. Б. Бернштейна

1. О некоторых итогах работы над «Общекарпатским диалектологическим атласом» // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1996. С. 75–88 (совместно с Г. П. Клепиковой).
2. К юбилею Е. И. Дёминой // Славяноведение, 1997, № 2. С. 117.
3. Славяно-румынские языковые контакты в свете новых данных славянской лингвогеографии // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 47–68 (совместно с Г. П. Клепиковой).
4. Еще раз о значении славизмов в неславянских языках как источнике по истории славянских языков (К публикации книги П. Н. Лизанца) // ОЛА. Материалы и исследования. М., 2000. С. 223–230.
5. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. Сборник статей. М., 2000. 352 стр.
Рец.: *Котова Н. В.* в: Съпоставително езикознание. София, 2001, кн. 1. *Попова Т. В.* в: ОЛА. Материалы и исследования. М., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие составителя</i>	3
А. Е. СУПРУН (Минск)	
<i>Письмо коллективу кафедры славянской филологии МГУ</i>	5
О. А. КНЯЗЕВСКАЯ	
<i>Воспоминания давней ученицы</i>	7
Н. В. КОТОВА	
<i>Наш учитель</i>	7
Г. П. КЛЕПИКОВА	
<i>С. Б. Бернштейн и карпатское языкознание</i>	9
Н. Е. АНАНЬЕВА	
<i>Профессор С. Б. Бернштейн и польская славистика</i>	13
Р. П. УСИКОВА	
<i>С. Б. Бернштейн и развитие македонистики в нашей стране</i>	19
Р. В. БУЛАТОВА	
<i>О судьбе книги С. Б. Бернштейна «Очерки по македонскому языку»</i> ...	23
Т. Н. МОЛОШНАЯ	
<i>Категория определенности / неопределенности в грамматической системе болгарского языка</i>	26
Т. В. ПОПОВА	
<i>К вопросу о морфологической структуре болгарских существительных</i>	30
ОЛГА М. МЛАДЕНОВА (Калгари)	
<i>Болгары и русские: как мы (не) понимаем друг друга</i>	35
Т. С. ТИХОМИРОВА	
<i>Еще раз о падеже</i>	37
А. В. ИСАЧЕНКО	
<i>Рецензия на книгу: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, 350 стр. (с картами и указателями)</i>	40
С. С. СКОРВИД	
<i>Позднепраславянское диалектное членение</i>	53
ПОСЛЕДНИЕ ПУБЛИКАЦИИ ТРУДОВ С. Б. БЕРНШТЕЙНА	63

Научное издание

Филологический сборник
памяти профессора
Самуила Борисовича Бернштейна
К пятилетию со дня кончины

Зав. редакционно-издательским отделом *Е. Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Оригинал-макет: *Л. В. Корнюхина*

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97.
Формат 60x90/16. Бумага офс. № 1.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 4,25.
Тираж 200 экз. Заказ

Типография ордена «Знак Почета»
издательства Московского университета.
119992, Москва, ул. Академика Хохлова, 11.